

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Древнеанглийская литература в лингвокогнитивном аспекте

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.04.01 Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Языковое образование (английский язык)»
Форма обучения заочная**

Проверка на объем заимствований:

85,35 % авторского текста
Работа *рекоменд.* к защите
рекомендована/не рекомендована

«25» 02 2022 г.

зав. кафедрой английской
филологии *Афанасьева*
Афанасьева Ольга Юрьевна

Выполнила:

Студентка группы ЗФ-303-215-2-1
Бауэр Алена Владимировна

Научный руководитель:

кандидат филологических
наук, доцент

Кунина Наталья Ефимовна

Челябинск

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	9
1.1 Когнитивная лингвистика	9
1.2 Понятие концепта и концептосферы	13
1.3 Понятие картины мира	22
1.4 Структура концепта и методы его исследования	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	30
ГЛАВА 2. ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	32
2.1 Древнеанглийский язык как литературный	32
2.2 Особенности классификации древнеанглийской литературы	36
2.3 Древнеанглийская поэзия	44
2.4 Жанры древнеанглийской поэзии	52
2.5 Тематика и содержание древнеанглийских стихотворений	58
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	68
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ... ..	71
3.1 Особенности культурных концептов и методы их изучения	71
3.2 Анализ концепта «Конунг»	73
3.3 Анализ концепта «Воин»	79
3.4 Анализ концепта «Враг»	82
3.5 Анализ концепта «Военное снаряжение»	90
3.6 Анализ концепта «Герой»	98
3.7 Анализ концепта «Путь»	103
3.8 Разработка упражнений для урока внеклассного чтения	113
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	120
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	124
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	130
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	133

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена исследованию героической концептосферы в рамках англосаксонской языковой картины мира и описанию центральных для древних германцев концептов на материале поэтических произведений, таких как «Беовульф», «Скиталец», «Морестранник», «Исход» и «Битва при Молдоне», созданных на древнеанглийском языке.

Выбор темы для данного исследования обусловлен идеей взаимосвязи культуры и языка. Любой предмет или явление, с которым сталкивается человек, находит отклик в его сознании и имеет определенный образ. Довольно часто одно и то же явление или предмет могут иметь совершенно разные образы и ассоциации. Особо важные для человека, как для представителя определенной нации, представления о мире собраны в концептах, самые главные из которых образуют национальную картину мира, в которой отражается ценностная система.

Реконструкция концептуальных структур, находящих отражение в языке, дает возможность восстановить картину мира носителей данного языка. Будучи единицей мыслительной деятельности, отдельно взятый концепт является частью общей картины мира и имеет свою специфическую репрезентацию в языке на любом этапе его развития. Язык, таким образом, обеспечивает доступ к фрагментам архаических картин мира, проблема реконструкции которых длительное время привлекает внимание исследователей.

В центре внимания лингвистики на современном этапе развития находятся вопросы, которые связаны с отражением национальной культуры и истории в том или ином языке. Язык, являясь одним из главных признаков любой нации, несомненно, отражает культуру народа, который на нем говорит.

Данное исследование посвящено изучению англосаксонских концептов в русле когнитивного подхода, который в настоящее время приобретает все большую актуальность. Применение методов когнитивной лингвистики к материалу древнего языка позволяет открыть новые перспективы в развитии данной научной парадигмы.

Из многочисленных концептов, получивших осмысление в древнеанглийской языковой картине мира, нами были выбраны такие понятия, как «Конунг», «Воин», «Враг», «Военное снаряжение», «Герой» и «Путь», так как они отражают особенности древнеанглийской картины мира.

Актуальность данного исследования обусловлена научным интересом к проблеме взаимодействия языка, мышления и сознания, связи языка и культуры. В работе исследуются концепты в русле когнитивного подхода, который в настоящее время приобретает все большую актуальность. Применение методов когнитивной лингвистики к материалу древнего языка позволяет открыть новые перспективы в развитии данной научной парадигмы. Актуальность данного исследования заключается также в рассмотрении языковых способов репрезентации концептов, реконструкции архаической картины мира и описании концептов с применением методики лингвистического анализа содержательной стороны концепта применительно к древним картинам мира.

Объектом исследования являются концепты, входящие в состав героической концептосферы, которая рассматривается как фрагмент англосаксонской картины мира. Выбор данной концептосферы в качестве объекта исследования продиктован тем, что героика и воинственность традиционно считается неотъемлемой чертой культуры древних германцев, следовательно, анализируемый фрагмент действительности связан с одним из важнейших концептуальных конструкторов англосаксонской картины мира.

В качестве **предмета** исследования выступают средства языковой репрезентации данных концептов в англосаксонской языковой картине мира, а также лексические единицы, которыми представлены концепты, входящие в исследуемую концептосферу.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и описать языковые репрезентации основных концептов «Конунг», «Воин», «Враг», «Военное снаряжение», «Герой» и «Путь», входящих в состав героической концептосферы, а также установить связь между основными значениями данных концептов и их отражением англосаксонских поэтических произведениях.

В соответствии с поставленной целью в выпускной квалификационной работе решаются следующие **задачи**:

1. Изучить теоретическую литературу о когнитивном подходе к анализу языковых явлений, а также рассмотреть ряд основных понятий когнитивной лингвистики;
2. Охарактеризовать социокультурную ситуацию, в которой возникли древнеанглийские произведения, и изучить жанровые классификации древнеанглийской литературы с целью определения, какие из них являются основными;
3. Структурировать героическую концептосферу, описав каждый из её элементов, определив степень их репрезентативности;
4. Проанализировать концепты, составляющие героическую концептосферу, выявить фреймы, входящие в структуру исследуемых концептов путем изучения языковых единиц, которыми они репрезентированы;
5. Составить план урока внеклассного чтения, направленного на развитие читательской и лингвокультурной компетенции у учащихся среднего школьного звена.

В соответствии с целью и задачами исследования, основными **методами** в данной работе являются:

- семантический анализ;
- элементы концептуального анализа;
- метод анализа словарных дефиниций;
- контекстуальный анализ;
- элементы этимологического анализа.

В работе применяется комплексная методика, включающая все вышеупомянутые методы и/или их элементы.

Теоретическую базу работы составили исследования в области древнего слова и когнитивной лингвистики таких известных учёных, как О.А. Смирницкая, В.А. Маслова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Т. А. ван Дейк, И.А. Стернин и др.

Практической базой исследования послужили памятники древнеанглийской поэзии: «Беовульф», «Моресранник», «Скиталец», «Исход» и «Битва при Молдоне». Их дефиниционный анализ отобранных единиц осуществлялся по данным лексикографических источников: словаря древнеанглийского языка Босворта-Толлера 1997 года и электронного словаря древнеанглийского языка «Wendere» 2002 года. Кроме того, привлекались материалы глоссариев к древнеанглийским текстам.

Научная новизна определяется выбором объекта исследования и применением когнитивного подхода к материалу древнего языка, а также актуальным характером изучения материала в рамках когнитивной лингвистики. Данная работа позволяет внести вклад в изучение англосаксонской языковой картины мира.

Практическая значимость работы заключается в том, что анализ произведения, описанный в практической части исследования, может найти применение в практике анализа литературных произведений в рамках уроков английского языка, курсов межкультурной коммуникации и

британской литературы. Разработанный план урока внеклассного чтения также может быть применен в обучении английскому языку в средней школе.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Во введении обосновывается актуальность работы, определяется объект и предмет исследования, формулируется основная цель и вытекающие из нее задачи, упоминаются основные методы исследования, приводятся теоретическая и практическая базы работы, а также обосновывается практическая значимость и научная новизна.

В первой главе, «Научные предпосылки исследования», дается определение таких ключевых понятий, как «языковая картина мира», «концептосфера», «концепт».

Во второй главе, «Древнеанглийская литература», рассматриваются следующие аспекты: статус древнеанглийского языка как литературного; характеристика и классификация древнеанглийской литературы; тематика и содержание произведений, послуживших источником эмпирического материала для исследования.

В третьей главе, «Анализ концептов древнеанглийской поэзии», содержится практическая часть исследования, а именно – анализ концептов, выявленных в ходе исследования, а также и методические рекомендации.

В заключении приводятся основные результаты исследования, делаются выводы о достижении поставленной цели.

Библиографический список содержит 51 наименование.

Текст работы составляет 138 страниц печатного текста (включая титульный лист, содержание и приложения).

Положения, выносимые на защиту:

1. В древнеанглийской поэзии понятия «Конунг», «Воин», «Враг», «Военное снаряжение», «Герой» и «Путь» имеют статус концептов языковой картины мира англосаксов; концепты имеют фреймовую структуру;
2. В содержании англосаксонских концептов находят отражение мифологические признаки, обусловленные архаическим мировосприятием, и христианские признаки, обусловленные влиянием новой (христианской) картины мира;
3. Методический материал может быть использован на занятиях по английскому языку.

Апробация работы была осуществлена в форме следующих публикаций результатов исследования:

1. «К вопросу о проблеме классификации древнеанглийской литературы» в журнале «Интернаука», г. Москва, издательство «Интернаука», 2022 г.;
2. «Репрезентация концепта «враг» в древнеанглийской эпической поэме “Беовульф”», в журнале «Интернаука», г. Москва, издательство «Интернаука», 2022 г.

ГЛАВА 1. НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Когнитивная лингвистика

Когнитивизм изучает мышление человека и связанные с ним мыслительные и психические процессы [19, с. 188].

Лингвисты-когнитологи, как и другие лингвисты, изучают язык ради него самого; они пытаются описать и объяснить его систематичность, структуру, функции, которые он выполняет и как эти функции реализуются языковой системой. Однако одна из важных причин, по которой когнитивные лингвисты изучают язык, заключается в предположении о том, что язык отражает образ мышления. Поэтому изучать язык с этой точки зрения – значит изучать закономерности концептуализации.

Язык открывает окно в познавательную функцию, давая представление о природе, структуре и организации мыслей и идей. Таким образом, наиболее важным отличием подхода когнитивной лингвистики от других подходов к изучению языка является то, что язык, как предполагается, отражает определенные фундаментальные свойства и конструктивные особенности человеческого разума. Следовательно, когнитивная лингвистика представляет собой обширное поле для исследований. Сфера применения этой науки разнообразна, как и методы исследований, разработанные в рамках когнитивной лингвистической дисциплины.

Как и в любой науке, в когнитивной лингвистике существует несколько направлений: культурологическое (исследование различных концептов как элементов культуры), лингвокультурологическое (исследование элементов различных лингвокультур в связи с национальными особенностями), логическое, семантико-когнитивное, философско-семиотическое [23, с. 287].

Исследования в области когнитивной лингвистики обращаются к таким темам, как «язык и мышление, главные функции языка, роль человека в языке и роль языка для человека» [16, с. 33].

Когнитивная лингвистика - относительно новая школа лингвистики, один из самых инновационных и увлекательных подходов к изучению языка и мысли, возникший в рамках современной области междисциплинарного изучения, известной как когнитология.

Все практикующие когнитивные лингвисты пытаются ответить на следующий вопрос: что значит знать язык?

То, как они подходят к этому вопросу, и ответ, который они дают на этот вопрос, открывают много нового о подходе, перспективах и предположениях когнитивных лингвистов. Кроме того, мнение о языке, которого придерживаются когнитивные лингвисты, существенно отличается от мнения, высказанного в других языковых рамках. Когнитивный подход также дает захватывающее представление о до сих пор скрытых аспектах человеческого разума и опыта и, следовательно, о том, что такое быть человеком.

Язык воспринимается как должное, на него полагаются на протяжении всей жизни для выполнения целого ряда функций. Сложно представить, насколько было бы возможным сделать все то, что среднестатистический человек обычно делает, даже в один день, без языка: купить товар в магазине, предоставить или запросить информацию, провести досуг, выразить свое мнение, согласиться с чем-либо, оспорить, сообщить о недовольстве или счастье и так далее.

То же самое можно сказать о других формах поведения, которые не могут быть реализованы в отсутствие языка: брак, деловые встречи, использование Интернета, телефона. Почти во всех ситуациях, в которых мы оказываемся, язык позволяет быстро и эффективно выражать свои мысли и обеспечивает хорошо разработанные средства кодирования и передачи сложных и тонких идей.

На самом деле, эти понятия кодирования и передачи оказываются важными, поскольку они неотъемлемы от двух ключевых функций, связанных с языком, – символической и интерактивной.

Когнитивные лингвисты, как и другие лингвисты, пытаются описать и объяснить систематичность, структуру и функцию языка. Однако для когнитивных лингвистов язык отражает образ мышления, поэтому изучать его – значит изучать образцы концептуализации.

Для того, чтобы более подробно изучить эти идеи, учёные обращаются к функциям языка.

Язык предоставляет средства кодирования и передачи идей: он имеет символическую и интерактивную функции. Язык кодирует и экстернализирует наши мысли с помощью символов.

Экстернализация, в свою очередь, является одним из механизмов защиты, проявляющийся в стремлении человека воспринимать внутрипсихические процессы, силы и конфликты, как протекающие вне его и являющиеся внешними по отношению к нему.

Лингвистические символы состоят из символических пар, обозначающих форму и символические сборки. Значение, связанное с лингвистическим символом, относится к ментальной репрезентации, называемой понятием.

Понятия происходят из представлений; диапазон перцептивной информации, получаемой из мира, интегрирован в ментальный образ. Значения, кодируемые лингвистическими символами, относятся к нашей проектируемой реальности: мысленному представлению реальности, как ее понимает человеческий разум.

В то время как наша концептуализация неограничена по своим масштабам, язык лишь подталкивает к построению концептуализации.

Язык также выполняет интерактивную функцию; мы используем его для общения. Язык позволяет нам совершать речевые действия или демонстрировать экспрессивность и аффект. Язык может также

использоваться для создания сцен или контекстов; таким образом, он имеет возможность использовать эмпирические рамки.

Когнитивные лингвисты также изучают доказательства существования лингвистической системы, вводя понятие условной лингвистической единицы, которая может представлять собой морфему, слово, строку слов или предложение, и вводят понятие идиоматического значения, которое доступно в определенных контекстах и может быть связано с конструкциями.

Это контрастирует с буквальным значением, которое может быть получено путем объединения небольших конструкций, таких как отдельные слова.

Порядок слов является частью знания человеком конкретных конструкций, что иллюстрируется грамматически правильными предложениями.

Также стоит отметить, что в рамках когнитивной лингвистики немалый интерес привлекает гипотеза Сепира-Ворфа. Она гласит о том, что язык может играть немаловажную роль в определении нелингвистического мышления и что именно поэтому носители разных языков могут иметь разные концептуальные системы.

Хотя когнитивная лингвистика обосновывает необходимость создания общего концептуального потенциала с учетом общих кросслингвистических моделей, такая позиция, тем не менее, согласуется и даже предсказывает существенные кросслингвистические различия.

Учитывая, что лингвистическая система одновременно отражает способность концептуализировать знания и, в свою очередь, влияет на природу знаний в силу языковых специфических категорий, когнитивная лингвистика согласуется с гипотезой Сепира-Ворфа.

Когнитивная лингвистика также связывает лингвистическую структуру с систематической структурой мышления. Концептуальные

области, отраженные в языке, содержат и организуют соответствующие идеи и опыт.

Одна из основных задач когнитивного лингвиста – это сформировать гипотезы о природе языка и о концептуальной системе, которую язык отражает. Эти гипотезы должны обеспечивать адекватность описания посредством систематического и тщательного рассмотрения лингвистических фактов.

Лингвисты пытаются раскрыть, описать и смоделировать лингвистические системы, руководствуясь стремлением понять человеческое познание. Поэтому сама лингвистика является одной из когнитивных наук. Когнитивисты выполняют эту задачу, изучая лингвистические данные и опираясь на интуицию носителей языка и сходящиеся данные.

Также в рамках этой науки вводится различие между видами языковых знаний. Это когнитивное представление, обеспечиваемое языком. Его можно разделить на лексическую и грамматическую подсистемы.

Лексическая подсистема содержит элементы открытого класса, выполняющие функцию контента. Грамматическая подсистема содержит элементы закрытого класса, которые выполняют функцию структурирования, придающую схемный смысл.

Когнитивная лингвистика, как и все науки, содержит в себе категориально-когнитивный аппарат, так как ключевая терминологическая система необходима для описания некоторых процессов. К их числу относится такое понятие, как концепт и концептосфера.

1.2 Понятие концепта и концептосферы

Антропоцентрические тенденции, заключающиеся в рассмотрении языковых явлений в тесной взаимосвязи с человеком и его языковой картиной мира, сделали необходимым исследование в области

концептуализации семантического пространства. В данном случае основным средством концептуализации является концепт. Несмотря на активное появление научных трудов, направленных на его изучение, единый подход к решению проблемы концепта пока не найден. Категория концепта является объектом исследования когнитивной лингвистики.

Концепты рождаются в сознании индивида из непосредственного перцептивного опыта, приобретаемого посредством органов чувств; из взаимодействия человека с предметами; из языкового общения, в том числе при взаимодействии с другими концептами во время мыслительного процесса.

В лингвистике на сегодняшний день термин «концепт» раскрывается разными способами, общепринятого мнения касательно этой проблемы не существует. Так, наряду с большим количеством определений концепта имеют место быть и разнообразные методы концептуального анализа. Как правило, учёные кладут в основу определения концепта те стороны, которые имеют определяющее значение в области научного знания, в рамках которого проводится исследование.

Само понятие концепта родом из философии и логики, но в последние 20 лет оно претерпело переосмысление и находится в процессе актуализации.

Несмотря на то, что популярность концепта как объекта лингвистического гуманитарного исследования начала расти сравнительно недавно, едва ли не первым это понятие в русский язык вводит мыслитель С. А. Аскольдов (1870 – 1945). Для Аскольдова концепт есть механизм обобщения некоторого множества однородных предметов, приведение к общему знаменателю ряда умозаключений, выведенного при мыслительном процессе [2, с 6].

Существование различных точек зрения на понимание феномена концепта привело к появлению двух основных подходов к его определению: лингвокогнитивный и лингвокультурный. Эти подходы рассматривают

концепт с разных сторон, но в то же время не являются взаимоисключающими.

Так, определенный ряд представителей когнитивной лингвистики (А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) акцентируют внимание на ментальной сущности концепта. Сторонники лингвокультурного подхода (Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, С.Х. Ляпин, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.) рассматривают концепт как продукт этнокультурной деятельности человека.

Ниже представлены разные определения концепта, дающиеся современными исследователями.

Е. С. Кубрякова называет концепты составляющими человеческого сознания и информационной структуры языка, которая отражает лингвокультурный опыт индивида. Она определяет концепт также как «оперативную единицу памяти, всей картины мира, квант знания». [15, с. 90].

Согласно А. П. Бабушкину, концепт есть «ментальная репрезентация, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» [3, с. 16].

Н.Ф. Алефиренко также придерживается точки зрения, согласно которой концепт имеет когнитивную природу, является мыслительной категорией, квантом знания, жестко не структурированным смысловым явлением ценностно-ориентированного и описательно-образного характера [1, с. 17].

Н.Н. Болдырев считает, что понятия, формирующиеся в процессе познавательной деятельности человека, объединяются в своего рода систему знаний о мире. Эта система и включает в себя концепты разного уровня абстракции и сложности. Способы образования концептов в сознании человека определяются разнообразием форм познания. Ученый предлагает следующие способы формирования концепта: «на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека, на

основе мыслительной деятельности, вербального и невербального общения». [4, с. 23].

Г. В. Токарев предлагает рассматривать концепт как «глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки: исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок; неоднородность содержания; разнообразие типов знаковых репрезентаций» [27, с. 13].

Некоторые исследователи полагают, что концепт есть основная единица ментальности, обращая внимание, что концепт также является чистым смыслом, первообразом, константой, архетипом, что концепт рождается в слове посредством его содержательных форм: образа, понятия, символа [12, с. 56].

Другие ученые считают, что концепт – это единица коллективного сознания, которой присущи языковые выражения и этнокультурная специфика. Именно этнокультурная маркированность отличает ее от понятия, представления и значения [6, с. 70 – 71].

Наши когнитивные способности интегрируют необработанную информацию о восприятии в целостный и четко определенный умственный образ. Значения, закодированные символами, относятся к нашей проектируемой реальности [72, с. 198]: ментальное представление реальности, как она понимается человеческим разумом, при посредничестве наших уникальных систем восприятия и концепций. Хотя наши представления кажутся неограниченными по своим масштабам, язык представляет собой ограниченную и действительно ограничивающую систему выражения мысли. Существует ограниченное количество слов с ограниченным набором условных значений. С этой точки зрения, язык подталкивает к построению концепции, которая намного богаче и сложнее, чем минимальные значения, предоставляемые языком [41, 43].

Соответственно, какой язык кодирует не мысль во всей ее сложности, а рудиментарные указания концептуальной системе получить доступ или создать богатые и продуманные идеи.

Ознакомившись с различными точками зрения касательно понятия «концепт», мы предлагаем перейти к рассмотрению такой сущности, как концептосфера.

Концептосфера, наряду с концептом, является неотъемлемой частью понятийного фонда когнитивной лингвистики. Она определяется как обобщение знаний, включающий в себя некоторое количество концептов, который сводит воедино различные знания и упорядочивает мыслительные процессы, схемы, символы, понятия, сценарии и гештальты. Термин был представлен впервые академиком Д.С. Лихачевым. По его определению, концептосфера — это совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка [17, с. 5].

Термин «концептосфера» был введен в современный научный обиход когнитивного лингвиста, работающего с концептуализацией языкового пространства, Д. С. Лихачевым. В своих научных работах данный термин, опираясь на исследования семантического пространства, он рассматривал как «совокупность скрытых смыслов и потенций, заключенных не только в образе мышления, но и в активном и пассивном словарных запасах языка». Предполагается, что язык в данном контексте можно рассматривать как обобщенно, в целом, так и в качестве явления субъективного, то есть, на уровне отдельно взятого человека. В концептосфере, порожденной в разуме носителя языка, так или иначе концентрируются стереотипное мышление, духовное богатство, достижения духовной и материальной культур, а также картина мира, являющаяся типичной для той или иной нации.

Концептосфера представляет собой структуру потенций, раскрывающихся в словарном запасе отдельного носителя языка и всего языка в целом. При этом прослеживается прямая взаимосвязь концептосферы на языковом уровне с культурой народа: чем многограннее

культура во всех аспектах (литература, наука, религия и история), тем сложнее становится и глубже становится концептосфера.

Работа с концептосферой носит важный характер в современной лингвистике, так как работа с ней позволяет раскрывать язык не только как средство общения, но и в роли концентрированного продукта национальной культуры. Концепт и концептосфера – ментальные или мыслительные явления. Концептосфера обладает структурированным характером. Концептосфера содержит в себе концепты, вступающие в системные отношения. Отношения могут быть основаны на сходстве, различии и принципе иерархии. Принцип системности работает по отношению ко всем концептосферам, так как упорядочивание предметов мысли приводит к категоризации, к которой предрасполагает сам процесс мышления.

Таким образом, концептосферу можно определить как упорядоченную совокупность концептов, представляющую собой информационную базу мышления.

К определению концепта существуют два подхода – лингвокультурный и когнитивный.

1.2.1 Лингвокультурный подход

На определенном этапе развития, сообразно которому эволюционировало в собственном развитии гуманитарное познание, отечественные лингвисты столкнулись с потребностью разработки более подходящего термина для адекватного обозначения контентной стороны языкового знака. Данный термин должен был избавить от функциональной ограниченности обычных значений и в нём бы гармонично соединились логико-психологические и языковедческие дисциплины. Появившаяся необходимость породила возникновение ряда конкурирующих номинативных единиц.

Общей целью для них было рвение «отразить в понятиях» уникальный «дух народа» - культурную специфику представления языковых познаний. В конкурентноспособной борьбе в русской лингвистической литературе с 90-х годов прошедшего века столкнулись определения «концепт», «лингвокультурема», «мифологема», «логоэпистема».

Как показало время, самым перспективным оказался термин «концепт», который по частоте потребления существенно опередил все остальные протерминологические новообразования.

В культурологи концепт – основной юнит культуры в ментальном мировоззрении человека, в его картине мира [24]. Концепты появляются в сознании человека как на основе словарных дефиниций, так и на базе собственного и культурного опыта. Чем насыщеннее данный опыт, тем более размыты рамки концепта и просторнее способности для возникновения психологической ауры слова, в которой отображаются все грани концепта [17].

С. Степанов придерживался мнения, что данная особенность позволяет определить концепт - как «сгусток культуры в сознании человека; то, в чьём облике цивилизация проникает в ментальный мир человека..., то, посредством чего человек присоединяется к культуре, а иногда и воздействует на неё».

Лингвокультурология в качестве собственного исследуемого объекта вводит две знаковые системы – язык и культуру, которые являют собой прочно связанные феномены, порождаемые обществом. Ее главной исследовательской целью считается анализ языковой компетентности какого-либо этноса, исследование склада ума носителей определенного лингвокультурного коллектива.

Это обстоятельство объясняет приоритетность изучения понятия «концепт», как основной ячейки культуры, в рамках лингвокультурологии.

Национальный концепт «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая идея предмета» в

совокупности всех валентных связей, отмеченных национальной маркированностью.

Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по М. Хайдеггеру). Но в то же время — это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности.

Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Д.С. Лихачеву). Он окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом.

1.2.2 Когнитивный подход

Когнитивная лингвистика понимает концепты как «оперативные содержательные единицы памяти, ментального лексикона, отражённые в человеческой психике» [10, с. 17].

Всю познавательную деятельность человека (когницию) можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты: концепты возникают для обеспечения операций этого рода.

К концу XX в. Лингвисты поняли, что носитель языка — это носитель определенных концептуальных систем.

Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания.

Помимо предложенного Ю.С. Степановым толкования понятия «концепт» с точки зрения лингвокультурологии, существует еще два подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт — то, что называет содержание понятия, синоним смысла.

Первый подход (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.) семантику языкового знака представляет единственным средством формирования содержания концепта. Сходной точки зрения придерживается Н.Ф. Алефиренко, который постулирует семантический подход к концепту, понимая его как единицу когнитивной семантики.

Сторонниками второго подхода являются Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др. Они считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека т.е. концепт является посредником между словами и действительностью.

Концепт, согласно Е.С. Кубряковой, – это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [13, с. 225].

По мнению Р.М. Фрумкиной наиболее удачное определение концепта дает А. Вежбицкая, которая понимает под концептом объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» [29, с. 89].

Д.С. Лихачев под концептом понимал «своего рода алгебраическое выражение значения, которым человек оперирует в своей письменной речи».

С точки зрения В.Н. Телия, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, а, следовательно, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт — это конструкт, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание [25, с. 128].

В рамках когнитивной лингвистики также можно вывести два тезиса: первый тезис о том, что концептуальная структура вытекает из воплощенного опыта; и второй тезис о том, что лингвокогнитивная структура отражает концептуальную структуру. Концептуальная структура

представляет собой когнитивную систему, которая представляет и организует опыт в такой форме, которая может служить исходным материалом для таких процессов, как рассуждения и выражения мнений на языке. Когнитивная структура – это система, в которой понятия обычно закодированы в форме, в которой они могут быть экстернализированы языком. Между воплощенным опытом и концептуальной структурой существует связь, которая может быть проиллюстрирована образными схемами. Изобразительные схемы являются относительно абстрактными изображениями, которые являются результатом нашего повседневного взаимодействия с окружающим нас миром и наблюдения за ним. Этот опыт порождает воплощенные репрезентации, которые частично лежат в основе концептуальной структуры.

1.3 Понятие картины мира

Термин «картина мира» принадлежит к числу фундаментальных понятий, отражающих природу человека и его бытия, его связь с миром, а также условия, необходимые для его жизнедеятельности. Картины мира специфичны и отличаются у разных народов.

Данное понятие исследуется различными отраслями естественных и гуманитарных наук, и каждая дисциплина трактует его по-своему. Различают физическую картину мира, религиозную картину мира, научную картину мира, концептуальную картину мира и т.д. В современной науке данный термин играет значимую роль, поэтому необходимо дать его четкое определение.

Рубеж XX – XXI веков ознаменовался в лингвистической науке развитием лингвокогнитивной и лингвокультурологической направленностей, которые характеризуются общностью некоторых граней объекта исследования и тесной связью в области методологического и категориально- терминологического аппарата. В рамках данного

комплексного научного направления проводится всестороннее описание концептосферы, составляющей основу когнитивной картины мира в её связи с языковой картиной мира.

Картина мира - это плод аналитической работы человеческого разума, сопровождающих любой контакт человека с реальным миром, результатом познавательной деятельности, которая невозможна без координации с объективными законами мира, отраженная сознанием. Картина мира в человеческом сознании есть, по сути, идеальный образ внешнего мира. Человек формирует знание об окружающей действительности через мышление и чувства, которые позволяют отражать явления окружающей среды и их признаки. Формирование представлений о мире связано с осознанием человеком собственной роли в окружающей его действительности, а также с постижением собственного «я». В связи с этим картина мира постоянно меняется, у каждого поколения людей есть своя картина мира, но на каждом этапе развития она содержит понятия, общие и понятные большинству.

Существует большое количество подходов к осмыслению языковой картины мира, но самыми распространёнными являются лингвокультурный и лингвокогнитивный.

Задача лингвокультурного анализа – выяснение национально-культурного характера фрагмента языковой картины мира, отображение ее самобытности. Лингвокультурология описывает картину мира как «целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании» [11, с. 104].

Лингвокогнитивные исследования языковой картины мира направлены на изучение результатов освоения человеком действительности. По мнению некоторых лингвистов, концептуальная картина мира шире и богаче языковой картины мира, так как знания об окружающем мире закодированы не только в вербальном выражении. Таким образом, языковая картина мира входит в понятие концептуальной

картины мира. Такое соотношение анализируемых понятий объясняется тем, что в образовании концептуальной картины мира принимают участие разнообразные типы мышления [12, с. 52]. Само понятие «концепт» при этом трактуется как совокупность разносубстратных единиц оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия. Данные компоненты объединяются в единую систему, которая называется «концептуальной системой» или «концептуальной моделью мира» [12, с. 59].

В языковой картине мира отражены не только знания о мире (как в концептуальной картине мира), но и процесс и наблюдения за миром и его результаты, заблуждения, оценки, фантазии и вымыслы людей (чего нет в концептуальной картине мира, которая относится к миру объективной реальности). Таким образом, концептуальная и языковая картины мира отображают различные понятия, по-разному отображающие один и тот же реальный мир.

Таким образом, в данной работе мы опираемся на определение В.А. Масловой: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [19, с. 25].

1.4 Структура концепта и методы его исследования

В. А. Маслова в своей работе «Введение в когнитивную лингвистику» пишет, концептосфера, как и концепт, обладает многокомпонентным строением, которое включает в себя ядро (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта), приядерную зону (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т. д.) и периферию

(ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона представляют собой обобщенные знания, присущие всем носителям отдельно взятой концептосферы, а периферия носит индивидуальный характер.

Существуют различные единицы концептуализации: схема, картина, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт. Теоретически сходные выражения могут репрезентировать в речи разные признаки концепта: мне радостно (фрейм), я радуюсь (сценарий), радовать (схема), запрыгать от радости (картина).

В данной работе объектом исследования является концептосфера, однако основным понятием, которым мы оперируем в настоящей ВКР, является концепт.

Поскольку концептосфера есть совокупность концептов, в этом параграфе мы сосредоточимся именно на структуре второго.

Концепт, будучи частью терминологической базы когнитивной лингвистики, имеет сложную структуру. Частью этой структуры является не только то, что относится непосредственно к строению понятия, но и факт рассмотрения концепта как продукт культуры. В это входит этимологическая составляющая, история народа и современный анализ.

Согласно точке зрения Р.И. Павилениса, для усвоения концепта необходимо создать на основе уже имеющихся смыслов (концептов) некоторую структуру, используя их как «интерпретаторы» или «анализаторы» концепта, который является новым. То есть, данный процесс происходит с точки зрения стороннего наблюдателя, который строит систему концепта, находясь за её пределами. [21, с. 9].

Другие лингвисты, З.Д. Попова и И.А. Стернин, переосмыслив различные понятия концепта, выделили основные источники, из которых он рождается в сознании человека. Это:

– опыт, полученный посредством органов чувств, восприятие мира посредством чувственного опыта;

- продукты материальной детальности, результат предметной культуры;
- мыслительные процессы, затрагивающие уже существующие в сознании концепты и когнитивные операции с ними;
- вербальное общение (возможность передачи концепта и его разъяснение в языковой форме);
- сознательное познание языковых единиц.

В. А. Маслова предлагает в своем исследовании рассматривать концепт как структуру, имеющую «слоистое» строение. Подразумеваются, что слои это есть результат культурной жизни, «осадок» разных эпох. Разные слои, исторические отличные по времени образования и, соответственно, варьирующиеся в семантике, создают многослойную структуру, которая включает в себя [24, с. 19]:

- основной (актуальный) признак;
- дополнительный (пассивный, исторический) признак;
- внутреннюю форму (обычно не осознаваемую)

Одна из фундаментальных задач лингвистов, работающих с концептами, заключается в определении характера отношений концептуальной структуры с внешним миром чувственного опыта. Другими словами, когнитивные лингвисты исследуют природу взаимодействия человека с внешним миром и его осознание. Они также занимаются построением теории концептуальной структуры, которая согласуется с тем, как мы воспринимаем мир.

Одной из идей, возникших в попытке объяснить природу концептуальной организации на основе взаимодействия с физической сущностью, является тезис воплощенного познания. Этот тезис утверждает, что человеческий разум и концептуальная организация являются функциями способов взаимодействия нашего разума с окружающей средой, в которой мы живем.

Эту идею можно проиллюстрировать на следующем примере. В запертой комнате находится человек. Комната имеет структурные свойства: закрытые стороны, представленные стенами, интерьер и экстерьер. Эти структурные составляющие комнаты обладают функциональным свойством сдерживания: человек не может покинуть комнату.

Хотя это кажется довольно очевидным, однако этот пример сдерживания частично является следствием свойств человеческого тела. Люди не могут проходить сквозь мелкие щели, как газ, другими словами, сдерживание является значимым следствием определенного типа физических отношений, которые мы испытываем при взаимодействии с внешним миром.

Таким образом, тезис воплощенного познания заключается в том, что природа концептуальной организации проистекает из телесного опыта, поэтому частью того, что делает концептуальную структуру значимой, является телесный опыт, с которым она связана.

Фактическое восприятие высказываний как определенных речевых актов основывается на комплексном процессе, включающем использование различных видов информации. Однако понимание конкретных наблюдаемых феноменов следует давать с точки зрения более общих знаний: понимание включает в себя общие концепции, категории, правила и стратегии.

Эти общие знания не аморфны, а организованы в концептуальные системы. Один из способов дальнейшей организации концептуального пространства – фреймы. В настоящем параграфе уже было упомянуто такое понятие, как фрейм.

Современное его понятие ранее обсуждалось в основном в научных работах, посвященных изучению искусственного интеллекта и когнитивной психологии, в том числе после выхода влиятельной работы М. Л. Мински 1975 г. С дальнейшими разработками в этой сфере можно ознакомиться в работах Боброва и Коллинза. Понятие, варианты которого стали известны

как скрипты, сценарии или схемы, существует вне когнитивной лингвистики достаточно давно. Различные вариации термина «фрейм» стали известны как сценарии или схемы и появились в диссертации Чарняка 1972 г.

Т. А. ван Дейк в своём научном исследовании «Context and cognition: Knowledge frames and speech act» пишет: «...фреймы не являются произвольными кусками знаний; прежде всего, это единицы знаний, организованные вокруг определенной концепции. Но, в отличие от множества объединений, такие единицы содержат существенную, типичную и возможную информацию, связанную с определенной концепцией».

Фреймы имеют более или менее условный характер, и поэтому должны указывать, что в той или иной культуре является характерным или типичным. Этот критерий особенно выделяет определенные эпизоды социального взаимодействия. Фреймы можно также набором логических единиц, которые сами по себе не организуют понимание мира так, как мы его определяем.

В связи с этим возникает вопрос: в каком смысле речь может рассматриваться как фреймы. Очевидно, что речевые акты носят конвенциональный характер. Есть определённые сценарии, по которым мы составляем речевые конструкции, они являются частью нашего мирового знания. Однако исполнение речевого акта связано с рядом условий, соблюдение которых необходимо для трансформирования речевого акта сначала в концепт, а затем во фрейм. Организационный принцип заключается в том, что определенные цели, намерения и действия (высказывания) соотносятся с контекстуальными событиями.

В современной лингвистике фрейм определяют как единицу знаний, организованную вокруг некоторого концепта и содержащую данные о существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определенной культуры.

В трудах Т. А. ван Дейка также можно ознакомиться с таким понятием, как слот.

Слот – структурный элемент фрейма [28, с. 135]. Таким образом, фреймовая структура концепта позволяет проследить его связи с другими концептами. Она может включать не только фреймы, но и другую разновидность когнитивных моделей – концептуальную метафору, отражающую «непрямые» когнитивные признаки концепта [30, с. 74]. Необходимо подчеркнуть, что моделирование фреймовых структур осуществляется с помощью выявленных синтаксических конструкций.

В рассматриваемом виде текста они представляют собой устойчивые словосочетания, идиоматику, грамматическую фразеологию, присказки, речевые штампы, пословицы и поговорки, цитаты из известных художественных произведений. Обыденное (или повседневное, практическое) сознание – сознание, включенное в человеческую практику и не сформированное специально, подобно науке, искусству, философии. Оно использует конгломерат знаний, сведений, предписаний и верований, лишь отдельные фрагменты которого связаны между собой. Истинность знаний проверяется здесь непосредственно практикой.

Осмысление речи основывается на правилах и стратегиях так называемого контекстуального анализа, в котором фреймы играют важную роль. Результаты контекстного анализа затем сопоставляются с результатами прагматического анализа предложений, т.е. устройств организации иллокутивного (речевого) акта. Наконец, некоторые результаты когнитивного анализа процесса обработки речи применяются в изложении понимания последовательности речевых и макроречевых действий.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

После обзора научной литературы мы пришли к выводу, что существует большое количество подходов к осмыслению такого понятия, как концепт и концептосфера; мы рассмотрели из них два: лингвокультурный и лингвокогнитивный. В данном исследовании мы придерживаемся лингвокультурного подхода, так как нас прежде всего интересуют исследования, связанные с национально-культурной спецификой фрагмента языковой картины мира в коллективном сознании древних германцев.

Исследовав подробно понятие концепта с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, мы полагаем, что данные подходы не противоречат друг другу, так как конечной целью является познание сути языкового сознания и исследование глубинных основ различий между культурами. Обобщение точек зрения на понятие концепт и его определения у разных авторов позволило нам сформулировать свое определение концепта. В данной работе мы опираемся на следующее понятие: концепт – это мыслительная единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Существует также множество подходов к пониманию того, что есть концептуальный анализ, разные ученые предлагают различные методики описания концептов. В работе мы используем методы исследования лексикографических источников и анализ словарных дефиниций (в том числе этимологический), так как сочетание этих методов позволит решить поставленные задачи.

Концепт в работе понимается и рассматривается в рамках лингвокультурологического направления как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

Основные признаки концепта как лингвокультурологической категории, могут быть сформулированы следующим образом:

- универсальность, общность, абстрактность представления о чем-либо;
- тождественность понимания реципиентами, обладающими общим менталитетом;
- культурно-этическая, историко-культурологическая значимость для носителей языка;
- способность воздействовать на формирование концептосферы в рамках коллективного сознания.

Концепт имеет сложную структуру, и потому метод его изучения является совокупностью нескольких различных методов. Концептуальный анализ, который лежит в основе исследования, дает возможность раскрыть содержание изучаемых концептов и с большой степенью точности реконструировать фрагменты архаической картины мира.

Совокупность концептов, характерных для конкретной нации составляют национальную концептосферу, отличную от концептосфер других национальностей.

ГЛАВА 2. ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

2.1 Древнеанглийский язык как литературный

Англосаксонская проза и поэзия – главное литературное достижение раннего Средневековья. Ни на одном другом средневековом простонародном языке не существует такого количества литературных памятников, написанных в течение столь длительного периода (примерно с 700 по 1100 гг.).

Хотя некоторые германские и кельтские народы создавали произведения литературного искусства, они не могут сравниться с энциклопедической широтой работ англосаксов, которые преуспели во многих жанрах. Они не только унаследовали богатую устную традицию своих германских предков, но также впитали теологическую доктрину и риторику своих христианских римских учителей. Англосаксы экспериментировали и создавали новые формы, оставаясь верными этому двойному наследию. В результате получился корпус, поражающий своим разнообразием.

Также примечательно, что староанглийская литература и язык не исчезли, пережив в 1066 году Нормандское завоевание, с которым пришло и повсеместное засилье французского языка и латыни в сфере образования, закона и религии. Более того – французский язык (точнее – англо-нормандский диалект) несли функцию государственного языка. На нём велось судопроизводство и говорили в парламенте. И только в 1362 году по петиции города Лондона парламент Англии постановил, чтобы судебные дела разбирались на английском языке. В повседневной жизни уменьшение влияния значения англо-нормандского языка и его вытеснение среднеанглийским относится к XIII веку, хотя в среднеанглийском языке по некоторым оценкам было утрачено около 80% древнеанглийского словарного запаса.

В сфере религии дела обстояли чуть иначе. Многие проповеди и произведения продолжали читать и использовать частично или полностью на древнеанглийском языке вплоть до XIV века, их каталогизировали и систематизировали. Во время Реформации, когда библиотеки, представленные монастырскими коллекциями, были разрознены и децентрализованы, древнеанглийские рукописи собирались антикварами и учеными. Среди них были Лоренс Новелл, Мэтью Паркер, Роберт Брюс Коттон и Хамфри Уэнли. И лишь в 17 веке началось составление словарей и справочников по древнеанглийской литературе. Первым был «*Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum*» Уильяма Сомнера (1659 год). Лексикограф Джозеф Босворт в 19 веке начал работу над словарем, который был завершен Томасом Норткотом Толлером в 1898 году под названием «Англосаксонский словарь», обновленный Алистером Кэмпбеллом в 1972 году.

Поскольку древнеанглийский был одним из первых европейских языков, на которых была создана письменность, ученые XIX века, искавшие истоки европейской «национальной культуры», проявляли особый интерес к изучению англосаксонской литературы, и древнеанглийский стал частью университетских учебных программ. После Второй мировой войны возрос интерес к самим рукописям – Нейл Кер, палеограф, опубликовал новаторский «Каталог рукописей, содержащих англосаксонский язык» в 1957 году, а к 1980 году почти все англосаксонские рукописные тексты были напечатаны. Дж. Р.Р. Толкиену приписывают создание движения за рассмотрение древнеанглийского языка как предмета литературной теории.

Древнеанглийская литература оказала определенное влияние на современную литературу, и известные поэты переводили и включали древнеанглийскую поэзию в свои издания. Известные ранние переводы включают перевод «Битвы при Брунанбурге» Альфреда лорда Теннисона, перевод «Беовульфа» Уильяма Морриса и перевод «Морестранника» Эзры Паунда. Влияние поэзии можно увидеть у современных поэтов Т. С. Элиота,

Эзры Паунда и У. Х. Одена. Толкиен адаптировал тематику и терминологию героической поэзии для таких произведений, как «Хоббит» и «Властелин колец», а Джон Гарднер написал книгу «Грендель», в которой рассказывается история противника Беовульфа с его собственной точки зрения.

Прежде чем перейти к рассмотрению жанровых разновидностей древнеанглийской литературы, хотелось бы сосредоточиться на самом термине «литературный язык». Это понятие может интерпретироваться различными смыслами, отражая значения словесной литературы.

Виноградов В.В. в своих трудах понимает литературный язык как «исторически сложившуюся, осознанную обществом языковую систему, которая отличается строгой кодификацией, однако подвижна и не статична и охватывает все сферы деятельности человека». Исходя из этого устоявшегося и признанного учёным сообществом понятия, рассматривать древнеанглийский язык как литературный мы не можем, ибо дошедший до наших дней корпус текстов, несмотря на свою обширность, представлен ограниченным с точки зрения современности количеством письменных работ. Соответственно, утверждать, что древнеанглийский язык обслуживал все коммуникативно и социально значимые ситуации человеческого общения, не представляется возможным.

Также рассматривать поэтические тексты как поэзию в этом смысле тоже сложно, поскольку особый язык стихотворения был в значительной степени разработан и стандартизирован гораздо позже. Некоторые сохранившиеся стихи, вероятно, возникли в устной форме, соответственно, не дошли до нас в своем первоначальном виде, а были задокументированы и модифицированы в более позднее время, хотя и относящиеся к раннему средневековью.

Однако мы все же можем применять к памятникам древнеанглийской письменности, созданным в период до 1100 г., слово «литература», но только в его широком смысле, означающем «всё, что написано». Ведь

свидетельства о языке того времени, на всех уровнях, а также сам материал исследования берутся историками языка из письменных источников.

С лингвистической точки зрения литературный язык является лишь одним из множества разновидностей дискурса, таких как неформальная речь или язык закона. Это имеет особое значение для лингвистов-историков, поскольку в нем в полной мере раскрывается язык, который «проходит тестирование», на котором говорят люди, серьезно задумывающиеся о правильном выборе и использовании языка и готовыми раскрыть весь спектр его возможностей.

Таким образом, изложение литературного языка неизбежно является как описанием его общих характеристик, так и исследованием того, как отдельные писатели вышли за их рамки. Это относится и к древнеанглийскому периоду, и к более поздним временам, хотя наша удаленность от этой точки может заставить нас ещё больше подчеркнуть несоответствие черт литературного языка того времени нашим современным понятиям о таковом.

Характерная стихотворная форма и специализированный язык англосаксонской поэзии встречаются на протяжении всего староанглийского периода, от самых ранних записанных произведений до последних. Проследить признаки исторических изменений и развития в них представляется довольно трудным.

Если, как многие думают, специализированный язык был в значительной степени результатом традиции устного творчества в дописьменном мире, можно ожидать, что в англосаксонский период поэтический язык становится менее выраженным и менее уверенным.

На практике, на протяжении всего этого периода существуют свидетельства как тщательного подражания старой традиции (прежде всего – латинской литературе), так и индивидуального подхода к созданию уникальных произведений.

Сохранившиеся фрагменты двух ранних героических стихотворений начала VII или VIII века, первое из которых, “The Fight at Finnsburg” (в нем повествуется о военном конфликте между фризами и данами, произошедшем около 450 г.) – свидетельствуют о выраженном развитии поэтического языка. В этом языке порой обнаруживаются прежде не встречавшиеся языковые единицы, а многие поэтические слова и словосочетания зачастую помещаются в неожиданный контекст. Во втором стихотворении “The Battle of Brunanbur” (в память о битве 937 года, в которой войска англосаксов противостояли объединенной армии скандинавов и кельтов) история рассказывается от лица поэта, ознакомленного с героическим языком и творчески использующего его, без введения новых собственных терминов. Еще позже, в “The Battle of Maldon” (датируется примерно 991 годом) автор продолжает активно использовать традиционную лексику и фразеологию более ранних героических стихов с фразами и показывает мало признаков какой-либо изобретательности в создании фразеологических единиц.

2.2 Особенности классификации древнеанглийской литературы

Большинство литературных сборников организуют свой материал по некоторой комбинации стандартных категорий жанра, даты и/или автора. Но древнеанглийский язык быстро расстраивает эти схемы. Сами англосаксы, например, изначально признавали истории, жития святых и гомилии в качестве самостоятельных жанров, по аналогии с литературой на латинском языке. Но после того, как древнеанглийский приобрел статус литературного языка, наполнившись собственными аутентичными произведениями (как с точки зрения языка, так и содержания), категории латыни перестали быть актуальными. Мы не можем наверняка сказать, например, различали ли древние англичане длинную поэму «Беовульф» как «эпос», в отличие от более короткой «лирики», какими бы знакомыми ни

казались нам эти жанры сегодня. Даже такие широкие категории, как «художественная» и «нехудожественная» литература, вероятно, показались бы средневековой аудитории как минимум странными (а то и совершенно непонятными).

Не менее сложным является вопрос об авторстве. Ученые знают относительно мало о большинстве писателей древнеанглийского периода, а то, что известно, часто выводится из фрагментарных рукописей, сохранившихся от той эпохи. Все древнеанглийские поэмы, за исключением нескольких, анонимны, и хотя некоторые прозаические тексты дошли до нас с именами авторов, значительное их количество безымянно, а другие, приписываемые известному автору, например, Элфрику, на самом деле, возможно, были написаны не им.

Такая же неопределенность касается и хронологии. С одной стороны, мы можем рассматривать древнеанглийскую литературу в контексте сохранившихся рукописей, поскольку многие из них могут быть датированы с некоторой уверенностью. С другой стороны, несмотря на то, что происхождение рукописей представляет собой один из возможных способов организации исследований, возникает другая проблема. Дело в том, что многие произведения, датированные тем или иным периодом, зачастую являются задокументированными в это время, а не написанными. Эти истории доходили до грамотных учёных, способных записать их, в устной форме. Таким образом, не исключено, что даже некоторые из самых популярных сохранившихся древнеанглийских стихотворений являются поздними копиями гораздо более ранних произведений. Соответственно, присутствовала высокая степень интерпретации, переработки и дополнения. Поэтому историки не могут быть уверены, относится конкретная поэма неизвестного авторства ко времени создания манускрипта или восходит к более ранней эпохе.

Так как классифицировать древнеанглийскую литературу по авторству или хронологии не во всех случаях представляется возможным,

то можно было бы попробовать это сделать, используя другие категории. Стандартный справочник по сравнительной литературе выделяет три области, которые подходят для сравнительного анализа: 1) литературные движения и тенденции; 2) мотивы, типы и темы; 3) жанры и формы.

Что касается первой из этих категорий, филологи обычно имеют в виду литературные и стилистические движения, которые охватывают ряд литератур, например, экспрессионизм, импрессионизм, сюрреализм и так далее. Думать о древнеанглийской литературе в терминах этих движений не совсем уместно. Можно утверждать, что «герменевтический» стиль (то есть показная демонстрация необычной, часто заумной и явно заученной лексики, такой как архаизмы, неологизмы и грецизмы), преобладающий в англо-латинской литературе X века, имел свое отражение, однако это не подходит для полной и самостоятельной классификации.

Вторая категория сравнения – мотивы, типы и темы – оказалась плодородным полем для изучения древнеанглийской литературы. Достаточно сказать, что англосаксонисты применяли сравнительный анализ к широкому кругу тем, включая темы родства, изгнания, общества и питья, пира и сна, зала, сокровищ, оружия (особенно щиты и мечи, включая духовную войну), зверей, царства, владычества, покровительства, колдовства, судьбы, утешения, стабильности и хаоса, и другие. Много научной энергии было потрачено на отслеживание легенд, засвидетельствованных в других германских литературах (например, легенды о Веланде или Зигмунде). Исследовались (и продолжают исследоваться) и специфически христианские темы: смертные грехи, грехопадение, распятие и крест, мучения в аду, вознесение, Страшный суд, кающиеся проклятые, видения рая и ада, демоны, легенды о Люцифере, Каине, Иосифе и другие. Внимание также было уделено определению литературных «шаблонов», которые встречаются во многих литературах, помимо древнеанглийской: герой на берегу, путешественник узнает свою цель, поэт созерцает небеса и так далее.

Однако применять категории типов, мотивов и тем для изучения концептуальной картины мира, на что направлено настоящее исследование, было бы тоже не совсем корректно. Предварительное разделение произведений на вышеупомянутые категории значило бы, что мы уже концептуализируем литературное пространство, классифицируем его, основываясь на своих собственных впечатлениях от ознакомления с первоисточником. Для проведения данного исследования необходимо охватить как можно более широкое многообразие произведений именно в отношении их места в корпусе англосаксонской литературы (не количества проанализированных текстов), при этом сохранить объективность отбора.

Наконец, хотелось бы рассмотреть третью категорию сравнения – жанры. Проблемой жанровой классификации древнеанглийской литературы занимались разные ученые, но единого решения данного вопроса также не существует.

Жанровая классификация обычно осуществляется на основе следующих признаков: сюжет и тематика произведения; соотношение памятников с общегерманской эпической традицией и христианской литературой; уровень и характер в них историзма; взаимодействие в них правды и вымысла; композиционная структура; предназначенность для определённой аудитории. Проблема классификации древнеанглийской поэзии по жанровому признаку не может быть решена однозначно. Как справедливо отмечает О. А. Смирницкая, главная трудность здесь заключается в том, что, в отличие от литературы нового времени, «жанры древнеанглийской поэзии не противопоставлены достаточно чётко друг другу как разные художественные формы: эта поэзия сравнима со спектром, в котором есть все цвета, но членение которого не может не быть условным».

Помимо этого, многие произведения могут рассматриваться в рамках разных жанров. Например, стихотворение *Exodus*, «Исход» может быть отнесено как к библейскому жанру, потому что повествует о Моисее, а само

произведение является стихотворным переложением 13 и 14 глав библейской Книги Исход, поэтому оно и получило такое название. С другой стороны, «Исход» – типичный героический эпос, так как пророк предстаёт перед читателем в виде древнегерманского вождя, наделённого всеми необходимыми ему качествами:

He wæs leof gode, leoda aldor,
He was dear to God, people's chief,
horsc and hreðergleaw, herges wisa,
shrewd and wise, army's leader,
freom folctoga.
bold leader.

В стихотворении преобладают военные образы: уничтожение египтян в Красном море повествуется во многом так же, как и шаблонная сцена битвы из других древнеанглийских стихов, включая мотив «Боевой зверь», очень распространённый в эпической поэзии:

Hreopon herefugolas, hilde grædige,
Screamed birds of prey, for battle greedy,
deawigfeðere ofer drihtneum,
dewy-feathered above corpses
wonn wælceasega. Wulfas sungon
dark carrion-pickers. Wolves sang
atol æfenleoð ætes on wenan,
dreadful evening-song food in expectation.
carleasan deor, cwyldrof beodan
Careless animals, deadly awaited
on laðra last leodmægnes fyl.
in hostile track people's army's fall.

Таким образом, в ходе выбора текстов для данного научного исследования мы столкнулись с отсутствием общепринятого взгляда на классификацию англосаксонской литературы. Чтобы доказать данное

утверждение, мы бы хотели проиллюстрировать это на практике. Если проанализировать содержания книг, посвященных древнеанглийским произведениям, то можно увидеть, что авторы этих компиляций по-разному организуют материал в своих публикациях.

Есть те, кто классифицирует литературу по источникам рукописей, например, в сборнике переводов поэтических произведений Крэйга Уильямсона «The Complete Old English Poems» 2017 года тексты в оглавлении разделены на следующие категории: «The Junius Manuscript»; «The Vercelli Book»; «The Exeter Book»; в отдельную главу сгруппированы «Beowulf and Judith»; а также есть достаточно крупные и разнообразные по содержанию главы: «The Minor Poems» и «Additional Poems».

В издании «A History of Old English Literature» Роберта Д. Фулка и Кристофера М. Кейна (2005 г.) материал структурирован смешанным образом. Есть параграфы, выделенные на основании периода («Literature of the Alfredian Period») а также главы, опирающиеся на тематики произведений («Biblical Literature»; «Wisdom Literature and Lyric Poetry» и др.). Более того, почти каждая литературная категория, рассматриваемая в этих главах, включает примеры как прозы, так и поэзии.

Помимо перечисленных классификаций есть и более необычные варианты категоризации древнеанглийской литературы. Вместо знакомых категорий, принятых в лингвистике, материал в книге «Old English Literature: A Short Introduction» Дэниела Донохью организован в виде того, что сам автор называет «фигурами». Оглавление представлено следующими главами: «The Vow»; «The Hall»; «The Miracle»; «The Pulpit»; «The Scholar» (обет, зал, чудо, кафедра и ученый). Автор обосновал это тем, что такая организация материала обеспечивает большую гибкость и возможность связывать тексты, которые при сортировке по жанру, дате или автору можно было бы рассматривать только отдельно. А также, хотя подобные названия глав не принадлежат какой-либо школе, они были бы узнаваемы как

средневековыми читателями, так и понятны современным любителям литературы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что древнеанглийская проза и поэзия представляют собой большой и разнообразный архив текстов, который не поддается четко определенным категориям, поэтому авторы склонны организовывать свои научные труды, отталкиваясь от потребностей конкретного исследования. Далее мы бы хотели кратко охарактеризовать англосаксонскую прозу, а также подробнее сосредоточиться на поэзии и её жанрах.

2.2.2 Древнеанглийская проза

Говоря о классификациях литературы, не стоит пренебрегать разделением её, прежде всего, на два основных типа организации художественной речи – прозу и поэзию. И хотя в практической части нашей работы будут рассмотрены только поэтические произведения, в рамках исследования всё же необходимо охарактеризовать прозаическое искусство англосаксонского слова. Поэтому нами было принято решение кратко охарактеризовать прозу, посвятив ей пункт настоящего параграфа, продолжив более подробно говорить о поэзии в следующем. Задачей данного пункта является обоснование того, почему проза не подходит для когнитивного анализа древнеанглийской литературы.

Самая ранняя английская прозаическая работа, свод законов короля Этельберхта I Кентского, датируется 597 годом. Другая проза VII и VIII веков включает в себя своды законов, завещаний и хартий. Также существует перевод Евангелия от Иоанна, который Беда Достопочтенный закончил к концу своей жизни (735 год) и два медицинских трактата: «Herbarium» и «Medicina de quadrupedibus», датируемые приблизительно VIII веком.

Самая ранняя литературная проза датируется концом IX века, когда король Альфред, стремясь улучшить состояние английского образования, возглавил активную программу по переводу на английский язык «некоторых книг, которые необходимо знать всем людям». Сам Альфред перевел «Пастырскую заботу» святого Григория I Великого, «Философское утешение» Боэция, «Солилокви» святого Августина Гиппонского и первые 50 псалмов.

Англосаксонская хроника, являющаяся древнейшей летописью Англии, вероятно, также возникла в правление Альфреда. Она охватывает события с периода ранних саксонских поселенцев в 495 году и вплоть до 1154 года. Сохранилось девять рукописей хроники, написанных на англосаксонском языке и частично на латыни.

Прозаическая литература середины и конца X века связана с бенедиктинской реформой, движением, которое стремилось навести порядок и ужесточить дисциплину в церковном укладе, который, как считалось, стал распущенным. Этельвольд, епископ Винчестерский и один из лидеров реформы, перевел Правило святого Бенедикта. Но самым великим и плодовитым писателем этого периода был его ученик Аэлфрик, монах из Серна, а позже аббат Эйншема, чьи работы включают три цикла по 40 гомилий каждый («Католические гомилии», 2 тома, и «Жития святых»), а также гомилии, не вошедшие в эти циклы; латинскую грамматику; трактат о времени и естественной истории; пастырские письма; и несколько переводов. Его «Латинские беседы», снабженные древнеанглийской версией, составленной анонимным глоссатором, дают возможность заглянуть в англосаксонский монастырский класс.

Продолжающееся активное ведение «Англосаксонской хроники» показывает, что древнеанглийская проза писалась вплоть до Нормандского завоевания.

Исходя из краткого вышеизложенного обзора периодизации прозаических произведений, их авторов и тематики работ, можно сделать

вывод о том, что проза древнеанглийского периода носила либо практический характер (как в случае ранних записей VII– VIII); либо просветительский. Многочисленные (по меркам древнеанглийской литературы) произведения эпохи правления короля Альфреда на фоне бенедиктинской реформы были переводами книг с латыни. Таким образом, переведённые произведения не могут считаться аутентично англосаксонской литературой, поэтому для анализа концептуальной картины мира древних англичан не подходят.

2.3 Древнеанглийская поэзия

Высокая культурная ценность, которую англосаксы придавали своему мастерству, должна объяснить сохранение древнеанглийской поэзии в относительно больших количествах – более 31 000 строк, что достаточно для шести толстых томов «Англосаксонских поэтических записей» (The Anglo-Saxon Poetic Records). Для более наглядного представления о корпусе поэтических произведений древнеанглийского периода, стоит отметить, что всего в сборнике «The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry», представленном онлайн, содержится 347 самостоятельных стихотворений. Это примерно 1000 среднестатистических печатных «современных» листов, причём, примерно 10% данного количества составляет поэма «Беовульф».

Этот внушительный свод текстов – поразительная аномалия раннесредневековой литературы.

Практически вся древнеанглийская поэзия написана единым стихотворным размером (или метром), представляющим собой строку из четырех ударений с синтаксической паузой (или цезурой), между вторым и третьим ударениями; а также с аллитерацией, связывающей две половины строки (см. рисунок 1):

1	2	3	4
Ic swiftne	geseah	on swaƿe	feran
I a swift (thing)	saw	on the road	travel

Рисунок 1 – Метр древнеанглийского стиха

Слова, на которые падает ударение, зависят от их характера и функции в предложении (глаголы, например, важнее наречий), а также от их расположения. То, что эти техники стихосложения мало изменились за 400 лет существования литературы, говорит о консерватизме англосаксонской культуры.

Поэзия формульна, опирается на общий набор стандартных фраз и шаблонов, применяет стандартные эпитеты к различным классам персонажей и изображает пейзаж с такими повторяющимися образами, как орел и волк, которые поджидают во время битв, чтобы полакомиться падалью, и лед и снег, которые появляются в пейзаже в знак печали. В стихах такие формулы производят сильное впечатление богатства культурного фонда, из которого могли черпать поэты. Другими стандартными приемами этой поэзии являются кеннинг – образное название вещи, обычно выраженное сложным существительным (например, «лебединая дорога» – название моря); и вариация – повторение одной идеи разными словами, причем каждое повторение добавляет новый уровень смысла. Подробнее о стилистических особенностях пойдет речь далее.

В корпусе поэтических текстов присутствуют как самостоятельные аутентичные произведения, так и переводы стихотворений с латыни. Древнеанглийская поэзия в целом делится на два стиля или направления: германский и христианский. Почти все древнеанглийские поэты анонимны.

Однако стихотворение, претендующее на звание самой древней из сохранившихся английских поэм, всё-таки приписывается автору по имени Кэдмон. Согласно Беде, «Гимн Кэдмона» (Cædmon's Hymn), был написан

между 658 и 680 годами, на ранних этапах христианизации англосаксонской Англии; даже на основе сохранившихся рукописей поэма является самым ранним достоверно датированным примером древнеанглийского стиха.

Письменные источники древнеанглийской поэзии насчитывают более трехсот лет, начиная с 700-х и заканчивая, по крайней мере, 1065 годом. Но не может быть никаких сомнений в том, что традиционная древнеанглийская стихотворная форма была уже старой даже во времена Кэдмона.

2.3.1 Особенности древнеанглийской поэзии

Для дальнейшего исследования концептов древнеанглийской литературы нам необходимо ознакомиться с её некоторыми уникальными отличительными чертами и ввести термины, необходимые для более полного понимания и корректного описания стилистических и тематических особенностей древнеанглийского поэтического языка.

Хотя большая часть современной западной литературы испытала влияние и адаптацию форм, найденных в древнеанглийской поэзии, произведения этого периода имеют некоторые специфические качества, которые, как правило, исчезли из употребления в более поздних произведениях. Эти особенности свидетельствуют как и об общем стиле письма, который разделяли эти часто анонимные средневековые авторы, так и о более широких культурных темах и заботах, с которыми сталкивалось германское общество.

Несмотря на то, что количество сохранных и восстановленных произведений того времени является весьма внушительным, два самых известных примера древнеанглийского поэтического письма «Beowulf» (эпическая поэма) и «The Wanderer» (элегия) обычно изучаются как образец для определения общего стиля и тем литературы того времени.

Приведенный ниже список включает несколько наиболее примечательных уникальных элементов, встречающихся в древнеанглийской литературе, на примерах из обоих текстов. Это то пос

«ubi-sunt» или риторические вопросы, аллитерационный стих, кеннинги, литота, варьирование, «comitatus» или комитат, «seledream» или «радость зала».

Первая уникальная черта стиля древнеанглийской поэзии – это топос «Ubi-Sunt». Слово «топос» греческого происхождения, переводится как «место». В лингвистике данный термин понимается как тематико-стилистический образец, литературный шаблон, устойчивая речевая фигура. Латинское словосочетание «Ubi-Sunt» буквально переводится как «Где...» и является вариацией риторического вопроса «Где те, кто шел до нас?». Вызывая ощущение быстротечности жизни, топос Ubi-Sunt выражает чувство потери и ностальгии, особенно о прошлых поколениях или исчезающих культурах.

«Скиталец», состоящий из 115 строк, является одним из самых известных примеров этого стиля, использующий вопросительный формат. В данном стихотворении автор, предаваясь скорбным мыслям о былых днях, с 92 строки вопрошающе повествует:

Hwær cwom mearg? Hwær cwom mago?

Where is the horse gone? Where the rider?

Hwær cwom maþpumgyfa?

Where the giver of treasure?

Hwær cwom symbla gesetu?

Where are the seats at the feast?

Hwær sindon seledreamas?

Where are the revels in the hall?

Другой пример – «Беовульф». Хотя уби-сунт проявляется скорее в чувствах, стоящих за произведением, чем в строгом следовании формату риторического вопроса.

Следующая важная отличительная черта древнеанглийского поэтического произведения – аллитерационный стих. Данная разновидность стиха использует один и тот же звук в начале слов для двух или более слов

в одной строке. Например, звук «б» во фразе «Беовульф смело шел в бой». В текстах, использующих аллитерационный стих, аллитерация становится структурой стихотворения и сохраняется на протяжении всего произведения. Аллитерационный стих возник до появления более современной рифмы. Пример из текста «Беовульф», начиная с 17 строки:

Wuldres wealdend woroldáre forgeaf:

Ruler of Glory, granted honour on earth:

Béowulf wæs bréme – blaéd wíde sprang—

Beowulf was famed – his renown spread wide—

Scyldes eafera Scedelandum in.

Scyld's heir, in Northern lands.

Swá sceal geong guma góde gewyrcean,

So ought a young man by good deeds deserve,

fromum feohgiftum on fæder bearme

fine treasure-gifts, in his father's keeping

Следующая стилевая особенность поэтических произведений того времени – это широкое применение кеннингов. Под кеннингом понимается использование двух слов для выражения одного. Это тоже является отличительной чертой англосаксонской литературы. Примеры кеннингов, встречающихся в текстах, весьма многочисленны. Например, в «Скитальце» «gold-friend» означает лорда, а «earth-gallery» – замок. В «Беовульфе» «морская шаль» означает парус на корабле. Кеннинги используются для того, чтобы возвысить язык до более поэтической формы, используя косвенный путь к смыслу.

Говоря о стилистических особенностях англосаксонских текстов, также стоит упомянуть литоту. Это прием, при котором что-то намеренно преуменьшается в несколько ироничной манере. В древнеанглийском эпосе «Беовульф» есть много примеров литот. Например, данный отрывок содержит литоту: «У Хильдебурх было мало оснований доверять ютам». Это явное преуменьшение, так как в следующих строках описывается

гибель ее сына и мужа по вине ютов. Это литота, поскольку она выражает противоположность утверждению; Хильдебурх не приписывает заслуг ютам, поскольку у нее было «мало оснований» для этого.

Также в англосаксонской поэзии часто присутствует варьирование. Это прием, заключающийся в использовании большого количества разных слов для обозначения одного и того же предмета или понятия, тем самым возвышая его как явление и подчеркивая важность. Например, в «Беовульфе» используется множество различных синонимов и кеннингов для короля или повелителя, для Бога, а также для замка или зала, оружия.

Говоря об уникальных чертах древнеанглийской литературы в рамках настоящего исследования, следует рассмотреть не только стилистические особенности, но также специфику тематической составляющей. Одной подобной особенностью древнеанглийской литературы является такое социальное явление, как «комитат». Слово «*comitatus*» латинского происхождения». В древние времена этот латинский термин использовался для обозначения вооруженного эскорта или свиты. В литературе же термин используется в контексте германской культуры воинов для обозначения отряда, связанного с лидером клятвой верности

Так как это очень важная составляющая картины мира англосаксов, широко представленная в том числе и в концептуальном пространстве древних англичан, хотелось бы чуть подробнее раскрыть данное понятие.

В англосаксонском обществе под *comitatus* понимались отношения, которые были выгодны и дворянам, и вольноотпущенникам. Согласно отношениям *comitatus*, дворянин предоставлял свободным людям землю в обмен на защиту и верность. Для вольноотпущенников это была возможность подняться в социальном статусе, а дворяне получали защиту и лояльность.

Комитат как литературная особенность тематики древнеанглийского текста был характерной чертой германского героизма, в котором люди господина жили, дышали и умирали за него в обмен на честь и сокровища.

Однако, помимо этих симбиотических отношений, идея комитата имеет глубокое значение, выражающее взаимное почтение и уважение. Комитат также выражает чувство «духовного родства» между воинами, кланами или племенами. Требования комитата были строгими, но, возможно, более важным являлось взаимное уважение, дружба и честь, которые разделяли дворяне и их последователи.

Ярким ранним примером комитата являются отношения Беовульфа и Хротгара, описанные в эпической поэме. Эти отношения возникают, когда Беовульф отвечает на призыв короля Хротгара о помощи. Чудовище по имени Грендель, обозленное на народ данов, вот уже 12 лет разоряло владения Хротгара на момент описанных в произведении событий. Из-за присутствия Гренделя было невозможно спокойно предаваться радостям пиров, не опасаясь быть съеденным заживо. Наделенный свирепым аппетитом, Грендель каждую ночь съедал одного-двух воинов Хротгара.

Беовульф готов был сделать всё необходимое, чтобы помочь Хротгару обезвредить чудовище, даже если для этого придется умереть «Моя цель была такова: завоевать добрую волю твоего народа или погибнуть в битве, сжатый в свирепой хватке Гренделя»:

Ic þæt hogode· þá ic on holm gestáh
'I resolved that, I mounted the water,
saébat gesæt mid mínra secga gedriht
sat down in the sea-boat amid warriors,
þaét ic ánunga éowra léoda
that I forthwith your people's
willan geworhte oþðe on wæl crunge
will would work, or fall in slaughter,
féondgrápum fæst· ic gefremman sceal
fast in the fiend's grasp; I must perform
eorlíc ellen oþðe endedæg
this daring act of courage or the last day

on þisse meoduhealle mínne gebídan.

in this mead-hall of mine await.'

В ответ Хротгар дарит Беовульфу сокровища и выражает свою признательность за верность Беовульфа: «Теперь Беовульф, лучший из людей, я буду любить тебя в своем сердце, как сына; храни наше новое родство с этого дня».

Согласно кодексу *comitatus*, близкие отношения между лордом и его воинами часто являются отношениями близкого родства.

Комитат также явно существует между Беовульфом и его воинами. Когда Беовульф сражается с Гренделем, его собственные воины крепко стоят рядом с ним: «Все воины Беовульфа вскочили со своих кроватей, мечи предков подняли и приготовили, решив, что будут защищать своего господина, если смогут».

Такое поведение, конечно, почетно и высоко ценится, но Беовульф все равно справился с Гренделем голыми руками и без посторонней помощи.

Следующая особенность тематики древнеанглийских произведений, повествующих о воинах – это «*Seledream*», что буквально переводится как «радость зала». Зал короля или лорда был местом передышки между путешествиями и битвами, часто единственным местом, где можно было получить такие удобства, как еда, веселье, напитки и женское общество. Из-за тяжелой жизни, изображенной в древнеанглийских эпосах, веселье в зале часто было единственным, на что можно было рассчитывать, кроме идеи комфорта в загробной жизни. Поэтому данному явлению также уделяется особое место в древнеанглийских произведениях. Например, с нападений Гренделя на роскошный «медовый зал» (*meadhall*) Хротгара начинаются события поэмы «Беовульф», когда даны оказываются деморализованными отсутствием возможности непринужденно отдаваться празднествам.

2.4 Жанры древнеанглийской поэзии

Проблема жанра применительно к древнеанглийской поэзии была определена достаточно давно. Она заключается в том, что традиционное жанровое деление поэтического наследия англосаксов: героический эпос, героические элегии, религиозный эпос и исторические песни – весьма условно и возможно только внутри эпоса. При этом почти каждое из дошедших до нас произведений может быть отнесено одновременно и еще к какому-то иному жанру.

Если опираться на многочисленные классификации древнеанглийской литературы, то можно выделить достаточно широкий ряд основных и периферических жанров. Список может включать в себя эпос (героический и религиозный); элегии; дидактическую, мнемоническую и историческую поэзию; бестиарий; гимны и псалмы; христианские стихи; а также загадки, которые иногда рассматриваются в качестве самостоятельного жанра. Также сохранились некоторые отрывки поэтических текстов языческого содержания: заклинания, рецепты зелий.

Для того, чтобы систематизировать поэтические тексты в нашем исследовании, мы рассмотрим основные жанры, получившие широкое распространение в древнеанглийской литературе, так как это подходит для выявления основных концептов англосаксонского языкового пространства. Это сделано на основании того, что они представлены наибольшим количеством самостоятельных произведений.

1. Эпическая поэзия

Эпос – повествовательный род литературы. В центре внимания эпического сюжета – жизнь человека, его взаимодействие с окружающими людьми, события, в которых он участвовал. Характерные черты эпоса – изображение уже происшедших событий, максимальная свобода автора в освоении художественного времени и пространства, наличие широкого спектра литературно-изобразительных средств (портреты, прямые

характеристики, пейзажи, диалоги, монологи, интерьеры), широта охвата жизненного материала (частная, общественная жизнь), наличие большого количества персонажей, изображение жизни в ее целостности.

Древнеанглийский эпос подразделяется на два основных направления – героический и христианский.

1) Героический эпос

К данному жанру относятся такие произведения, как «Беовульф», «Вальдере», «Битва при Финнсбурге». Основная тема героико-эпических поэм – распри и войны. У древних германцев героический эпос универсален по функциям, поскольку во время его возникновения ещё не выделялись в качестве самостоятельных сфер человеческой деятельности философия, науки о природе и истории, художественная литература. Эпос давал всестороннюю картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, учил отличать добро от зла, наставлял, как жить и умирать.

2) Христианский эпос

Христианский или религиозный эпос составляет важную часть древнеанглийской литературы. Если принять во внимание тотальный контроль церкви над всей древнеанглийской литературой, то неудивительно, что существовала такая вещь, как героический эпос, основанный на христианских сюжетных материалах. Иными словами, древнеанглийский бард, владевший всеми поэтическими темами, стилями и приемами скопца героического века, применил свою профессию к великой области библейского повествования. Поэтому в самых ранних сохранившихся образцах христианского эпоса в Англии, в поэмах, приписываемых Кэдмону и его последователям, можно найти тот же формульный стиль, что и в «Беовульфе». К поэмам данного жанра относятся такие произведения, как «Исход», «Юдифь»,

2. Элегии

Хотя англосаксонский писатель может показаться сдержанным в своих чувствах, из этого еще не следует, что он был лишен настоящих

эмоций. Класс воинов – если судить по тому, что дошло до нас – реагировал на жизнь таким образом, что порождал довольно мрачный взгляд на мир. За этим стояло осознание трудностей и жестокости северной зимы, меланхоличное, но не безнадежное понимание мимолетности всего живого и принятие жестокой безбрежности океана, что вполне могло навести его изначально языческий разум на мысль о небытии будущего.

В древнеанглийских лирических стихотворениях очень тесно сочетаются лирика и эпос. Разделы «Беовульфа» и христианских эпосов могут стоять отдельно как самостоятельная лирика. Зачастую древнеанглийская поэзия имеет умеренную высоту; рано или поздно она снова погружается в повествование, в драматический контраст или в дидактическое морализаторство. Судя по появлению таких текстов, как заупокойная речь отца в «Беовульфе», ясно, что scop периодически прибегал к лирике; и этот факт становится еще более очевидным, когда мы рассматриваем отдельные лирические произведения.

Англосаксонская лирика, несомненно, была создана классом воинов, наряду с героическим эпосом. Фактически, можно сразу прийти к убеждению, что лирика, как и эпос, имела аристократическую бардовскую традицию, которая поддерживала ее даже в отрезвляющие дни распространения христианства.

В корпусе древнеанглийской литературы есть по крайней мере одно отдельное произведение, которое существует в строго лирической форме, не переработанной через христианские аллюзии. Это «Плач Деора», или «Песнь Деора». Данное произведение имеет большую древность и является изречением брошенного барда, который утешает себя, сравнивая свои несчастья с большими бедами легендарных и исторических героев, героинь и народов.

Помимо этого «чистого» лирического произведения к ряду элегий можно также причислить стихотворения «Плач жены», «Морестранник», «Скиталец», «Послание мужа» и другие. Основная тематика элегий –

изгнание, исключение героя из привычного для него мира, психологическое состояние человека, оказавшегося в одиночестве.

3. Оригинальные христианские стихи

В дополнение к библейским адаптациям есть ряд оригинальных религиозных стихов, в основном лирических.

Книга Эксетера содержит серию стихов под названием «Христос», разделенные на «Христос I», «Христос II» и «Христос III».

Одним из самых красивых из всех древнеанглийских стихотворений считается «Сон о кресте», содержащийся в Книге Верчелли.

Есть ряд стихов о религиозных дебатах. Самый длинный из них – «Христос и Сатана» в манускрипте Юния, в которой говорится о конфликте между Христом и сатаной в течение сорока дней в пустыне. Другое стихотворение с дебатами – «Соломон и Сатурн», сохранившееся в ряде текстовых фрагментов: Сатурн изображается как маг, ведущий споры с мудрым царем Соломоном.

4. Дидактическая поэзия

Основной задачей поэтических произведений, отнесённых к данному жанру, заключалась в том, чтобы с помощью поэзии привить читателю «нужные» качества и идеи либо с точки зрения морали, либо путем предоставления знаний в области философии, религии, искусства, науки, навыков. Однако чаще религиозная лирика в древнеанглийской литературе сливается с общей нравоучительной поэзией, сочетая в себе в разных пропорциях исконный, христианский и классический компоненты.

Пристрастие к правилам поведения, к тому, что следует или не следует делать, можно наблюдать почти в любом произведении англосаксонского автора. Эта склонность кажется неотъемлемой частью психологического склада германцев. Поэтому почти в любом стихотворении присутствуют дидактические элементы, смешанные с эпосом или лирикой, в зависимости от обстоятельств.

Например, целые разделы «Беовульфа», такие как длинная речь Хротгара, не говоря уже о кратких размышлениях в той же поэме, иллюстрируют дидактическую тенденцию в эпосе.

Ярким примером христианской дидактической поэмы является фрагмент «Обращение души к телу», найденный в одной версии в «Книге Верчелли». Душа, разгневанная грехами, совершенными телом при жизни, упрекает тело за то, что оно отправило их обоих в ад.

Дидактические или (как их обычно называют в древнеанглийской литературе) «гномические» черты англосаксонской поэзии и прозы носят в основном религиозный и этический характер и восходят непосредственно к церковной традиции. Некоторые, с другой стороны, являются просто выражением человеческого опыта, независимо от религиозной доктрины или догмы.

5. Исторические стихотворения

Среди памятников древнеанглийской литературы также существуют произведения, в основе которых лежат реальные события, нашедшие своё отражение в «Англосаксонских Хрониках» и древнеанглийских сагах. Так, в вышеупомянутой летописи присутствуют упоминания о военных конфликтах, описанных в произведениях «Битва при Молдоне» и «Битва при Брунанбурге».

В «Хрониках» есть и другие подобные поэтические записи. Например, «Освобождение пяти городов»: в 942 году король Эдмунд Уэссекский был вынужден предпринять экспедицию против мерсийцев, которые напали на пять городов Дерби, Линкольн, Ноттингем, Стэмфорд и Лестер. Экспедиция, которая, с точки зрения западных саксов, была полностью успешной, была прославлена этим стихотворным повествованием во Второй хронике.

Также есть пара стихотворений, основанных на жизни короля Англии Эдгара, в которых сообщается о его коронации и смерти в 975 г.

Следующим в списке этих героических произведений из «Хроники» является «Пленение и смерть Альфреда». Альфред здесь не Альфред Великий из Уэссекса, самый выдающийся из всех англосаксонских королей, а «безупречный Альфред, сын короля Этельреда».

6. Прочие жанры

К периферийным жанрам можно отнести те, что представлены относительно небольшим количеством произведений, которые нет возможности классифицировать по вышеупомянутым категориям (эпос, лирика, исторические стихотворения и дидактическая поэзия).

1. Мнемоническая поэзия: «Видсид», «Судьбы апостолов», «Menologium», «Времена поста» – образцы некогда распространённой у древних германцев поэзии, которая представляет собой перечни каких-либо фактов, сведений, имён, составленных в стихотворной форме для облегчения запоминания списков и последовательностей;

2. Бестиарии или физиологии: «Кит», «Пантера», «Куропатка» – распространенные в средневековье сборники о внешнем облике и повадках животных, которым даётся христианское истолкование;

3. Языческие стихотворения: «Заклинание девяти трав», «Руническая поэма», «Заклинание против пчёл», «Заклинание против колющей боли» – скудное собрание материала, составляющего неотъемлемую часть языческого прошлого древних англичан. Это короткие стихи, найденные на полях рукописей, которые имеют практические советы, такие как средства защиты от потерь крупного рогатого скота или как справиться с задержкой родов. Можно сказать, что вся англосаксонская литература перерабатывалась через христианские догмы, чтобы скрыть своё языческое начало.

2.5 Тематика и содержание древнеанглийских стихотворений

В предыдущем параграфе настоящего исследования нами были рассмотрены и описаны основные жанры древнеанглийской литературы. Таким образом, для структурирования эмпирического материала в рамках работы по отбору языковых единиц с целью анализа и описания концептов за основу была взята именно жанровая классификация. Далее мы дадим характеристику произведениям, из которых будет произведена выборка языковых единиц.

Для того, чтобы выявить относительно объективную систему концептов древнеанглийской литературы, нам понадобится охватить как можно более широкий срез произведений. Поэтому данный список включит в себя по одному или несколько стихов из отдельно взятого жанра. Соответственно, некоторые стихотворения в рамках одного жанра будут рассмотрены частично (например, поэма «Беовульф», относящаяся к героическому эпосу, содержит более 3 тысяч строк, что существенно превышает объём любого другого самостоятельного произведения), а для других жанров мы подберём 2 и более стихов (как в случае элегий, представленных в основном более короткими текстами, от 40 до 100 строк).

Ниже представлен перечень поэтических текстов по каждому из жанров:

1. Героический эпос: «Beowulf» (Беовульф);
2. Христианский эпос: «Exodus» (Исход);
3. Элегии: «The Wanderer» (Скиталец), «The Seafarer» (Морестранник);
4. Исторические стихотворения: «The Battle of Maldon» (Битва при Молдоне);
 1. Героический эпос
«Beowulf» – «Беовульф»

Особый интерес при изучении древнеанглийской литературы представляет собой «Беовульф». Будучи единственной по-настоящему героической поэмой впечатляющей продолжительности, сохранившейся в древнеанглийском языке, она неизбежно воспринимается как норма или яркий пример поэтического языка, хотя многие современные ученые полагают, что она появилась несколько позже, чем принято считать, в конце X века, что для древнеанглийского периода является относительно поздним моментом.

Если отталкиваться от традиционной даты, VIII века, произведение представляет собой значительную утонченность поэтического языка, являющимся примером типичного стихосложения того периода. Согласно одной точке зрения, сам поэт, написавший «Беовульф», был настоящим новатором, «первопроходцем» в «общем расширении поэтического языка».

В любом героическом эпосе наивысшей ценностью считается храбрость на поле боя, победа над врагом. Главное кредо четко высказано в строке 2889 “Уж лучше воину уйти из жизни, чем жить с позором!” Победителя ждет всеобщее признание: “Хродгар возвысился в битвах удачливый, без споров ему покорились сородичи” (ст. 64 след.). И, конечно же, смелого и доблестного воина ждет вознаграждение за его храбрость: “Судьба от смерти того спасет, кто сам бесстрашен» (574).

Если же воин нарушил кодекс чести и бежал с поля боя из-за страха смерти, то такое поведение рассматривалось как бесчестье, наибольший позор, наихудшее зло. Согласно эпической картине мира, основной оппозиции добра и зла соответствовала оппозиция воинской доблести, победы на поле боя и трусости, бегства с поля боя. Поэтому высказанная в строке 2595 фраза «не нашлось под рукой у конунга... благородного воинства» однозначно интерпретируется таким образом: невозможно представить намного страшнее позора, чем, устранившись от смерти, бросить своего сюзерена в беде. В данной ситуации едва ли возможно найти слова,

которые оправдали бы война. Он должен сражаться до конца и умереть на поле боя, если не сможет победить.

Перед тем, как вступить в бой, «противники старались сокрушить друг друга грозной похвальбой». Для этой цели в древнеанглийском языке было специальное слово *gyfword*. Понятно, что в среде постоянных битв и поединков оружие и боевые доспехи пользовались особым вниманием и уважением, даже если они и не всегда помогали. В «Беовульфе» содержится множество описаний доспехов и оружия (напр., ст. 332, 406, 500, 1456, 1469, 1807, 2679 и др.). Меч воина антропоморфен, имеет имя. Так, Унферт вручает Беовульфу свой меч Хрунтинг, который, как и меч Неглинг, оказывается бесполезным в бою. Но такое происходит, как правило, не потому что меч плох, а из-за того, что меч не пригодился. Тем самым подчеркивается сила воина.

Жажда славы, всевластия, добычи, княжеских почестей и побед являются главными, высшими целями для каждого эпического героя. Зачастую алгоритм его действий зависит от этих взглядов. Согласно точке зрения Беовульфа – «каждого смертного ждет кончина! – пусть же, кто может, вживе заслужит вечную славу! Ибо для воина плата – память достойная!» (ст.1386 след.)

Перед тем как одолеть своего противника, Беовульф думает о бессмертной славе и предстоящих наградах: «Так врукопашную должно воителю идти, дабы славу стяжать всевечную, не заботясь о жизни!» (ст. 153)

Не меньше гарантированной славы, морального удовольствия от победы, воители преследуют и меркантильные цели, жаждут ценных наград. Обещание заплатить приличную цену за свершение совершенно естественно и оправдано для каждого воинственного древнего героя. Князь должен вести себя непременно щедро, ибо помимо всего прочего, «воин испытывал особый прилив отваги, если знал, что его ждет награда» (ст.661).

Беовульф, разумеется, прибыл к королю Хродгару не только за наградой, но и в надежде, что его бесчисленные подвиги непременно оценят по достоинству. Если слава, почет и богатство ожидают доблестного воина-победителя, то какова же участь побежденного? Это либо мучительное бесславие, либо гибель на поле боя. В последнем случае, как это обычно бывало в классическом древнегерманском эпосе, ворон и волк с нетерпением ждут исхода поединка, чтобы неистово накинуться на трупы.

Таким образом, битва за победу на поле брани, за славу и золото, верность своему конунгу, кровная месть, и порой столь губительная зависимость человека от горького рока судьбы и зачастую гибель героя являются основополагающими темами и зарисовками как «Беовульфа», так и других памятников древнегерманской эпической литературы.

«Беовульф» – нерелигиозная героическая история. Её основное действие происходит в трех великих скандинавских королевствах датчан, гётов и шведов в V – VI веке, а другие действия описываются или упоминаются в образцовых или информативных «эпизодах и отступлениях», расположенных в тех же или менее великих королевствах вдоль северного побережья.

2. Христианский эпос

«Exodus» – «Исход»

Исход – достаточно сложная с точки зрения языка и структуры поэма. Джеймс Эрл отмечает это, говоря: «Кажется, в ней много пробелов; повествование часто путается; и библейская параллель, которая якобы лежит в основе всего замысла поэмы, в некоторых местах неубедительна, а иногда преднамеренно искажена». В тексте также присутствуют многочисленные гапаксы, быстро меняющиеся метафоры и сложные аллюзии, которые усложняют понимание текста. Гринфилд говорит, что «во многих отношениях это, возможно, самая трудная из всех древнеанглийских ПОЭМ».

В поэме христианские мотивы сочетаются с героической и морской тематикой. Оно основано на отрывках из библейского Исхода, хотя также опирается на Бытие и другие книги. Стихотворение повествует о бегстве Моисея и израильтян через Красное море с помощью Божьего чуда разделения волн, но оно включает в себя и другие элементы повествования, например, Ноев потоп.

Исход привносит традиционный «героический стиль» в свой библейский сюжет. Моисей рассматривается как генерал, в стихотворении преобладают военные образы. Оно содержит элементы героической поэзии, такие как описание надвигающейся битвы между враждующими народами, использование боевых зверей и внезапные переключения повествования между противостоянием. На самом деле язык битвы настолько силен, что иногда кажется, что египтяне и израильтяне действительно сражаются друг с другом, хотя на самом деле по сюжету это Бог противостоит египетской армии и убивает ее, разбивая волной воды. Стихотворение движется вперед и назад в библейском и историческом времени из прошлого в настоящее. По словам Малкольма Годдена, намек на битву в стихотворении – это способ проиллюстрировать, что Бог защищает свой избранный народ.

Основная история приостанавливается в какой-то момент, чтобы рассказать истории о Ное и жертвоприношении Исаака Авраамом. Некоторые ученые считают эту смену темы характерной чертой «эпического стиля», сравнимой с аналогичными отступлениями в «Беовульфе»,

В стихотворении израильтян ведет через Красное море облачный столб, который описывается как «segle» (парус). Максвелл Лурия утверждает, что парус представляет собой символ морского путешествия. Красное море считается символом вод крещения. В древнеанглийской версии стихотворения говорится, что Моисей разделил море «зеленым» посохом, описание которого отсутствует в латинице. В произведении есть ссылки как на Ноя, так и на Авраама. Ной, построивший ковчег, чтобы

пережить великое наводнение, и Авраам, который был готов принести в жертву своего сына Исаака, представляют собой символы христианского спасения.

В «Исходе» делается акцент на том, что «вера – ключ к спасению». Верные израильтяне пересекли Красное море, а неверные египтяне погибли в воде.

Поэма сосредоточена в основном на тематике воды и моря и, следовательно, содержит много синонимов и метафор для этих концептов. Подобные темы морского путешествия также встречаются в «Морестраннике» и «Скитальце». Одна конкретная строка из Исхода также появляется в «Моряке»: «atol uða gewealc» – «ужасные катящиеся волны». Использование морских образов здесь частично восходит к древнеанглийской морской поэзии, но оно также отсылает к тому, что Гринфилд называет «стандартной христианской интерпретацией морского путешествия, представлением путешествия человека как изгнания в свой духовный дом на небесах».

3. Элегии

«The Wanderer» – «Скиталец»

Это первое из нескольких стихотворений «Эксетерской книги», которые часто характеризуют как элегии — драматические монологи, в которых говорящий выражает некоторое чувство разлуки и страдания и пытается перейти от крика души к какой-то форме утешения.

Темы включают потерю близких, тоску по прежним временам, признание быстротечности жизни и использование пословиц или религиозной мудрости, чтобы смириться с несчастьем. Странник, от лица которого ведётся повествование в стихотворении, борется с потерей родства и социальных связей. Митчелл и Робинсон указывают на его уязвимость как изгнанника, не имеющего господина, в древнеанглийском обществе: «Странник, произносящий монолог, находится в наихудших обстоятельствах для англосаксонского воина в героическую эпоху: он слуга,

потерявший своего лорда и товарищей, поэтому он не находит себе места в обществе, никакой родственной души во враждебном мире. Он человек в экстремальной ситуации, один на один со своими воспоминаниями и обнаженный перед своими врагами. Это тяжелое положение побуждает его к напряженным и болезненным размышлениям».

«Скиталец» — это поэма, являющаяся плодом сложного сознания. Розье отмечает, что «по своей сути она представляет собой зеркало ума в его различных состояниях и способностях памяти и грез, разума и воображения, восприятия и представления».

Рассказчик поэмы, «anhaga», или «одиноким обитатель» (буквально «запертый в себе»), стал, благодаря созерцанию своей жизни, человеком «snottor on mode», «мудрым разумом». Он рассказывает читателю об этом переходе своего плача в утешительную мудрость, но, как это ни парадоксально, в процессе он как бы вновь переживает свою старую жизнь страданий. Суть трудности его жизни в том, что он должен использовать свой разум, чтобы вылечить своё сознание.

Странник обобщает, что «мудрый человек, который размышляет об этой гибели жизни», вспомнит свои прежние радости и воскликнет: «Куда делась лошадь? Где всадник? Где даритель?» Это тот самый мотив Ubi-Sunt («где они?»), о котором говорилось в настоящей работе ранее. Он восходит к латинской традиции и выражает как оплакивание утраты, так и признание скоротечности жизни. Всё временно — добро, друзья, родные и близкие, всё это — «земное основание».

Здесь философские рассуждения соревнуются с апокалиптическими образами. В конце рассказчик подтверждает свою веру, но некоторые критики находят его внутренний плач более трогательным и правдоподобным, чем его философская мудрость. Поуп, например, считает, что «поэта гораздо меньше интересовала возможная терапевтическая сила его рассуждений, чем творческое осознание утраты и одиночества в этом нестабильном мире».

«The Seafarer» – «Морестранник»

Данное стихотворение представляет собой драматический монолог, разделенный на две части. В первой половине мореплаватель комментирует свой опыт в море, противопоставляя его мирским радостям, которые испытывают жители суши. Душу его волнуют не песни арф и не чаепитие в зале, а шум волн в открытом море и испытание его силы и духа. В середине стихотворения говорящий переходит в философско-религиозные размышления, никогда больше не упоминая море или землю, поскольку стихотворение превращается в то, что И.Л. Гордон называет «актом, символизирующим отказ от мирской жизни и готовность принять мир».

Когда Мореплаватель путешествует по своей паломнической дороге, он осознает быстротечность этой жизни, её борьбу и страдания, связанные с поиском вечного блаженства. Донохью отмечает, что «один из основных уроков, усвоенных Мореплавателем, заключается в том, что радости небес не могут быть измерены земными стандартами, которые мертвы «*deade*» и мимолётны «*laene*».

Кеннеди указывает, что «использование морских образов в аллегорическом противопоставлении земному существованию и христианскому видению жизни после смерти не лишено параллелей в древнеанглийской поэзии». Он указывает на отрывок из книги Киневульфа «Христос II: Вознесение» (строки 488–505), где жизненная суматоха сравнивается с «плаванием тяжелым и мучительным; плаванием кораблей наших по холодным водам» и спасением Христовым в тихую гавань, «гавань, пристань; восхождение на небеса».

Там, где древнеанглийский скиталец оказывается в изгнании, на долгом пути страданий, мореплаватель сознательно выбирает свою одинокую и трудную жизнь. Он плывет на своем корабле печали, избегая радостной жизни на суше, потому что только в страдании и созерцании он может открыть быстротечность этой мирской жизни и устойчивость загробной жизни на небесах. По мере того, как стихотворение переходит от

мореплавания к проповеди, кажется вполне уместным, что оно заканчивается словом «Аминь».

4. Исторические стихотворения

«The Battle of Maldon» – Битва при Молдоне

Битва при Молдоне основана на транскрипции Джона Эльфинстона, написанной в начале восемнадцатого века до того, как оригинал был уничтожен пожаром 1731 года. Это героическая поэма, поэтически трактующая битву, которая произошла в 991 году между англосаксами и викингами; вероятно, она была написана спустя десятилетия после битвы. Донохью отмечает, что «хотя стихотворение опирается на специфику местной географии и личных имен, оно облачает действие в литературные условности, которые создают общий тон ностальгии по вневременному героическому прошлому». Громкие речи произносятся посреди ожесточенных боевых столкновений. Стрелы замирают, чтобы дать время для вынесения моральных суждений. Викинги сливаются в орду мучающих демонов, и Биртнот молится, чтобы его дух был «перенесен с миром на место ангелов».

Рядом с городом Молдон на приливных отмелях находится остров Норти; река Панте (ныне Блэкуотер) течет к северу от него, а Саути-Крик – к югу. Реки впадают в море. Во время прилива остров полностью отрезается от материка на западе. Во время отлива есть дамба из камней шириной около восьми футов и длиной восемьдесят ярдов, которая позволяет проходить ограниченному количеству людей за раз между островом и материком. Викинги поставили на якорь свои корабли и разбили лагерь на острове. Они стоят на западном берегу, ожидая отлива, чтобы пройти на запад по дамбе или «мосту», чтобы вступить в бой с англосаксонскими войсками, собравшимися на материке.

В начале стихотворения обе стороны выкрикивают свои вызовы и ответы через воду, в то время как прилив и проход заблокирован. Когда отлив уходит, викинги начинают наткаться на дамбу небольшими

группами и легко попадают в засаду англосаксонских лучников. Они зывают к Биртноту, чтобы он позволил им встретиться для «честного боя», ехидно ставя под сомнение мужество англосаксов и предлагая брать дань вместо жизней, насмехаясь над англичанами с коварным и черным юмором. К сожалению, Биртнот позволяет викингам пересекать дамбу из-за «ofermod», буквально его «высокомерной гордыни» или «слишком большого сердца или вспыльчивости». Возможно, ofermод Биртнота подобен греческой гордыне, необходимой самоуверенности, принесенной на поле боя, но здесь она играет с ним злую шутку, переходя в безудержную гордыню, и ведёт к трагедии.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Древнеанглийская поэзия в силу своей уникальности привлекала и привлекает к себе внимание зарубежных и отечественных лингвистов. Многие аспекты этого оригинального культурного явления уже изучены, но, как всякое истинное искусство, древнеанглийская поэзия - неисчерпаемый источник для исследователя.

В самом начале данной главы мы обосновали, почему древнее литературное искусство англосаксов имеет право таковым называться и охарактеризовали древнеанглийский как литературный язык. На то есть ряд причин: создание обширного корпуса как прозаических, так и поэтических текстов, частично дошедшего до наших дней в письменном виде; проникновение древнеанглийского языка в различные сферы жизни народа, населявшего британские острова в средние века; разработка и стандартизация поэтического языка; наличие общих языковых шаблонов, которые можно наблюдать во многих самостоятельных произведениях. Также мы рассказали о главных отличительных чертах древнеанглийской поэзии (стилистические и тематические особенности), отличающей её от других видов поэтического искусства.

Нами были рассмотрены различные классификации, с помощью которых возможно систематизировать тексты древнеанглийского поэтического корпуса. Так, основаниями для классификации могут служить: историческая периодизация; авторство; организация стихов в сборники рукописей (манускриптов); а также жанры. В виду неточности методов определения возраста произведений, отсутствия авторства в большинстве случаев, а также зачастую случайного порядка включения стихотворений в оригинальные сборники, тексты в настоящем исследовании организованы по жанрам. Данный способ категоризации позволяет нам охватить как можно более широкое разнообразие стихотворений, относящихся к различным эпохам и имеющих разные

задачи (дидактическая, проповедническая, документирование исторических событий и т.д.).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложность исследования англосаксонской литературы заключается в том, что древнеанглийская поэзия создавалась на стыке двух культурных традиций: древнегерманской языческой и христианской. Различные представления переплетены в памятниках причудливым образом, что, в свою очередь, отражается в их языке, в частности в наименованиях пространства.

Главная трудность исторического анализа жанров древнеанглийской поэзии и самой их классификации состоит в том, что эти жанры, давая основание для сравнения древнеанглийской поэзии с поэзией других народов и эпох, существуют на иных правах, чем жанры в литературе нового времени. Они не противопоставлены достаточно четко друг другу как разные художественные формы, потому что изначально не писались под определённые рамки. Более того, в большинстве случаев достаточно сложно определить, к какому именно жанру относится то или иное произведение в виду широкого набора черт, которые можно приписать одновременно совершенно разным жанровым формам.

Также стоит отметить, что в ходе подготовки эмпирического материала для дальнейшего анализа в следующей главе мы пришли к выводу о том, что нами будут взяты в работу только оригинальные поэтические произведения. Данное решение обосновано тем фактом, что подавляющая часть прозаических текстов – это переводы книг с латыни на древнеанглийский язык. Соответственно, проза не может рассматриваться как источник концептов именно англосаксонского языкового пространства, поскольку является продуктом опыта автора-представителя другого рода литературы, но не древнеанглийской. По этой же причине в исследовании не рассматриваются адаптированные стихотворения, переведенные с других языков.

Помимо подробного рассмотрения жанровой классификации, нами были описаны содержания и даны комментарии к текстам, из которых производится отбор языковых единиц с целью дальнейшего выявления и анализа концептов.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

3.1 Особенности культурных концептов и методы их изучения

Изучая семантическое пространство языка, работая с порождаемым им речевыми образцами и рассматривая их на различных языковых уровнях, мы получаем необходимые данные в рамках когнитивной лингвистики, под которыми понимаются знания о концептосфере носителей языка. Она мотивирована и обусловлена как языковыми знаками, так и его речевыми шаблонами, которые находят своё отражение в семантическом пространстве. Однако получить знания, достоверно отражающие принцип концептуальности, пускай используя совершенно разнообразные методы исследования, обо всей концептосфере, присущей без исключения всем представителям какого-то языка, сосредоточив всё внимание на изучении семантического пространства, не представляется возможным, так как концептосфера представляет собой единицу, гораздо более многосложную, глубокую и объёмную единицу семантического пространства языка.

Героический эпос, являющийся памятниками письменности многих народов, по времени возникновения обычно восходит к эпохе разложения и угасания первобытного общинного строя.

Эпос зарождается, когда у носителей возникает потребность в определенном выражении мыслей, закреплении в устном и/или письменном виде чувств, тем и образов. Появление разных идеологий, а также видов литературы обусловлено социальной практикой человечества и представляет собой отражение и осмысление той или иной исторической действительности.

Культурные концепты в их языковом и текстуальном воплощении выступают важным средством реконструкции картины мира, представленной в письменных памятниках.

Изучение культурных концептов служит важным средством реконструкции средневековых представлений о мире и человеке. Значительный интерес представляет в этом отношении поэтическое творчество англосаксов, сложившееся на перекрестке двух культур – устно-эпической (германской) и книжной (латино-христианской).

К методам описания концептов в данной работе относятся: семантический анализ; элементы метода контекстуального анализа; метод анализа словарных дефиниций и контекстуальный анализ; элементы этимологического анализа.

В работе применяется комплексная методика, включающая все вышеупомянутые методы и/или их элементы. В качестве методики концептуального анализа принимается буквальное прочтение именной и глагольной сочетаемости лексем, репрезентирующих исследуемые концепты. Метод состоит в описании необозримого умопостигаемого мира, восстановлении части картины мира, концепта, выделение его особенностей с помощью текстовых данных и культурно-языковых явлений при исследовании сочетаемости языковых единиц, их качеств, оценочной окраски и частоте появления в тексте. Из буквального прочтения сочетаемости выводятся концептуальные признаки, составляющие содержание исследуемых концептов. Проникновение в мир ценностей ушедшей эпохи возможно при внимательном изучении каждого слова с учетом контекстов его употребления. В силу этого для нашего исследования не менее важен контекстуальный анализ, который заключается в исследовании анализируемых единиц в рамках необходимого и достаточного фрагмента текста, позволяющего определить их значение. Привлечение этимологических данных позволяет расширить круг признаков исследуемых концептов и полнее выявить стоящие за ними сущности. Известно, что современный человек мыслит иными, отличными от носителя древнего языка, категориями.

В ходе исследования мы проанализируем составляющие каждого концепта и раскроем его иерархическую структуру. Данная задача будет осуществлена при помощи деления концептов на фреймы, представленные семантическими единицами древнеанглийского вокабуляра. Фреймы по возможности будут также разделены на слоты.

Вышеописанная методика предполагает работу, осуществляющуюся на следующих этапах:

1. Работа с оригиналами стихотворений на древнеанглийском языке и их переводами, заключающаяся в подборе лексического материала и организации его в табличном виде в соответствии с выделенными концептами;
2. Разбор словарных толкований единиц, являющихся лексической репрезентацией концептов (на данном этапе происходит работа со словарём и переводом текста на современный английский язык);
3. Этап описания концептов, анализ выделенных единиц с последующими комментариями.

3.2 Анализ концепта «Конунг»

Самыми важными персонажами в его драматических образах являются конунги, предводители воинственного народа.

Цель настоящей части параграфа – рассмотреть фрагмент действительности древних германцев, стоящий за концептом Конунг, выявить его позицию и значимость в древнеанглийской картине мира.

Материалом исследования послужили контексты употребления лексем, соотносящихся с рассматриваемым концептом, отобранные методом сплошной выборки из древнеанглийской героической поэмы «Беовульф».

Анализ языкового материала показывает, что конунг, являющийся верховным правителем северных германцев, занимает ключевую позицию в событиях,

описываемых в эпической поэме. Об этом свидетельствуют положительные качества, приписываемые главе племени или государства (зависит от контекста).

Эти качества в рамках концепта можно разбить на следующие фреймы: конунг благородный; конунг, почитаемый своим народом; конунг-защитник народа; конунг щедрый; конунг знаменитый; конунг мудрый.

Фрейм 1. Конунг благородный

О том, что правитель непременно является фигурой благородных кровей, свидетельствует наличие различных синонимов, понимаемых как альтернативные наименования короля. Также в поэме представлен ряд других благородных качеств-черт характера, намекающих на исключительность личности конунга.

Так, в поэме конунг, помимо основного слова «**cyning**», именуется «**æpeling**» в строке 3, что дословно означает «человек благородного происхождения: **æpelingas ellen fremedon nobles performed courageous deeds.**

Примечателен эпизод появления Беовульфа, главного героя поэмы, на берегу Дании, где войско гаутов встречено дозорным скильдингов. Страж побережья сразу выделяет Беовульфа среди остальных 14 воинов: **naéfre ic máran geseah** never have I seen greater **eorla ofer eorþan ðonne is éower sum noble** on earth than the one that you are. Солдат данов также говорит о нём **nis þæt seldguma waéþnum geweorðad** this is not a servant made worthy by weapons, подразумевая, что не только одеяние выдаёт в нем благородную персону высокого происхождения, но и его **aénlic ansýn** unique appearance (aénlic = an (единственный) + ic (суффикс прилагательного)).

Помимо высокого рода конунг наделен физической силой. О Хродгаре говорится в строке 129: **Maére þéoden æpeling aérgod** The mighty

chieftain, the prince, old and good. В строке 201 также о нём сказано: **maérne þéoden** mighty clan-chief.

Также о Беовульфе в строке 286 сказано: **ombeht unforht** the fearless officer. Данное качество приписано ему в контексте его решения прийти на помощь датскому королю с целью расправиться с наводящим ужас чудовищем по имени Грендель, который не даёт покоя жителям Дании и является одним из трёх чудовищ, поражённых Беовульфом в поэме.

Фрейм 2. Конунг, почитаемый своим народом

Для того, чтобы заслужить уважение среди воинов, правитель должен вызывать доверие у народа. Так, о Беовульфе, сыне Скевинга, в начале поэмы в 31 строке говорится: **léof landfruma**, что дословно переводится как beloved ruler of the land.

О Скильде Скевинге, легендарном основателе датского королевского рода, сказано в строке 11: **gód cyning** good king. Также Хродгар, внук вышеупомянутого правителя, именуется **gód cyning** в строке 863. Сам Беовульф, главный герой поэмы, упоминается уже в строке 2390 как уважаемый король: **Beowulf healdan [ðone] Géatum wealdan· þæt wæs gód cyning** - Beowulf held [the throne] to rule the Geats; that was a good king.

В строке 8 о Скильде Скевинге говорится, что тот был возвеличен своим народом: **hé wéox under wolcnum weorðmyndum þáh** he waxed under the clouds, throve in honours.

В строке 18 о Беовульфе датском сказано, что тот был знатен: **Beowulf wæs bréme** Beowulf was famed. В строке 17 сказано, что он был славным правителем, увековеченным, королём, о котором хорошо отзывались **wuldres wealdend**, the Ruler of Glory. В строке 55 о нём же говорится: **folcum gefraége**, well-known among people.

Фрейм 3. Конунг-защитник народа

Также в поэме делается акцент на том, что конунг был не только почитаем народом, но и сам платил подчинённым своей преданностью.

Беовульф-главный герой поэмы, прибывший к Хродгару на помощь, обращается к нему с монологом, в котором приписывает ему следующие качества в строках 428-430: **eodor Scyldinga, wígendra hléo, fréowine folca** protector of the Scyldings, shield of warriors, comrade of the folk. На наш взгляд, эти слова звучат особо поэтично в контексте событий эпического произведения. Беовульф, называя короля «защитником склильдингов», «щитом воинов» и «товарищем народа», признаёт то, насколько тот благороден в своих взаимоотношениях со своими соплеменниками, а читатель, в свою очередь, узнаёт, что великому королю есть дело до рядовых воинов настолько, что он сам готов стать щитом для них.

Также, в строке 456 автор именует Хродгара «шлемом скильдингов», в очередной раз подчеркивая небезразличное отношение короля к своему племени: **Hróðgár mapeþode helm Scyldinga** Hrothgar spoke, the helm of the Scyldings.

Вновь о Хродгаре в контексте «король-защитник» сказано в строке 610: **folces hyrde** the guardian of the folk (буквально **hyrde (hierde)** значит «пастух», в современном английском есть слово «herder», пастух, то есть, дословно выражение можно перевести как «пастырь народа»).

Фрейм 4. Конунг щедрый

О щедрости королей слагались легенды, таким военачальникам с большой охотой служили солдаты, причём, гораздо преданнее, чем жадным предводителям. Данное качество конунга всячески восхваляется в англосаксонской поэме.

Так, в строке 80 о Хродгаре сказано **béagas daélde** rings he dealt out, а словосочетание **béaga bryttan**, the giver of treasure, встречается на страницах произведения целых три раза. Первый – в строке 35, по отношению к Беовульфу, почитаемому королю датскому: **léofne þéoden béaga bryttan** the beloved prince, the giver of rings and treasure. Второй раз в строке 352, где говорится о Хродгаре: **Ic þæs wine Deniga fréan Scildinga frínan wille béaga bryttan** I this from friend of the Danes, lord of the Scyldings, will inquire, from

the giver of rings. Это фраза, сказанная главным героем Беовульфом приближённому королю Хродгара. Таким образом, прося аудиенции правителя датчан, один конунг подчеркивает щедрость другого, что очередной раз доказывает положительность данного качества. В третий раз «кольцедаритель» упоминается в строке 1487, вновь по отношению к Хродгару: **ic gumcystum góðne funde béaga bryttan** I one of noble virtues, a good king, had found, dispenser of rings. Незадолго до этого, в строке 1476 Беовульф называет короля датского **goldwine gumena**, что значит generous lord, gold-friend.

В строке 607 Беовульф обращается с монологом к Унферту, приближенному датского короля, не называя имени Хродгара, а именуя его **sinces brytta** the giver of treasures. То есть, без именованя понятно, кто именно подразумевается под «дарителем сокровищ».

Фрейм 5. Конунг знаменитый

В ходе своей политической деятельности конунги, будучи в древнем обществе фигурами весомыми, достаивались славы не только среди своих подчиненных, но и среди других народов; о них слагались легенды и эпические произведения. Так, строка 54 гласит, что Беовульф старший, сын Скильда, был **léof léodcýning**, beloved king of the people (léod – «песня», дословно, «léodcýning» - конунг, воспетый в песнях).

Победы играют не последнюю роль в имидже короля, поэтому в поэме присутствуют всяческие отсылки к знаменитым победам конунгов. Иногда это перечисление подвигов, как в самопрезетнании Беовульфа в строках 416 – 426 по прибытии к берегам Дании, где он упоминает о своём вкладе в борьбе со злом: **ðá ic of searwum cwóm fáh from féondum** I returned from battles stained with the blood of foes; **þaér ic fífe geband ýðde eotena cyn** I bound five destroyed ogrish kin.

В строке 391 слуга Хродгара говорит Беовульфу: **Éow hét secgan sigedrihten mín** To you I am commanded to say by my valorous lord, словами

sigedrihten (the victorious Lord, king) подчёркивая победоносность своего повелителя.

Фрейм 6. Конунг мудрый

Дабы показать правителя харизматичным лидером, поэт также делал акцент на его умственных качествах и содержании его эпических речей. Таким образом, складывается следующая картина: конунг никогда не врёт, является мудрым человеком, принимающим верные решения и действующим во благо мира и в интересах своих людей.

В строках 67 – 81 приведен эпизод построения медового зала Хеорот (дословно – «олений чертог», видимо, стены строения были украшены рогами), воздвигнутом по указу Хродгара. Именно король даёт имя этому великолепному залу, о чем говорится в строке 78: **scóp him Heort naman sé þe his wordes gewæld wíde hæfde** he named it Heorot, he whose words weight had everywhere. В строках делается акцент на том, что слово короля было законом, имело большой вес, поэтому именно ему даётся право именовать зал по своему усмотрению, ибо хоромы в то время строить было делом непростым и коллективным, поэтому именовать зал являлось большой честью.

Сразу же после, в строке 80, говорится, что король является человеком честного слова, поэтому даже когда он гордится своими достижениями и говорит о них, то не врёт и не преувеличивает: **hé béot ne áléh** he did not lie when he boasted.

О Хродгаре также в строке 191 сказано, что тот, после кровавых расправ Гренделя не мог утолить свою тоску по павшим воинам, а также король назван мудрым героем: **ne mihte snotor hæleð wéan onwendan** the wise hero could not turn away woe. Под этими словами можно понимать, что воины для конунга – не просто рядовые соплеменники, а близкие соратники, чья судьба королю не безразлична.

В строке 266 король гаутов Эггтеов, ушедший из жизни на момент событий поэмы, отец Беовульфа, упоминается как князь, оставшийся

навсегда мудрым лидером в сердцах своих людей: **æpele ordfruma Ecgþéow háten wíde geond eorþan wítana wélhwylc wíde geond eorþan** a noble vanguard-warrior, called Edgetheow he is readily recalled by each one of the wise widely throughout the world (**wítana** – wise).

3.3 Анализ концепта «Воин»

Основное действие поэмы разворачивается в трех великих скандинавских королевствах датчан, гётов и шведов, а наиболее важные человеческие персонажи в её событиях – воины. Концепт «Воин» является четвертой составляющей героической концептосферы, описанной в нашем исследовании. Цель настоящей части параграфа – рассмотреть фрагмент действительности древних германцев, стоящий за концептом «Воин», выявить его позицию и значимость в древнеанглийской картине мира. Материалом исследования послужили контексты употребления лексем, соотносящихся с рассматриваемым концептом, отобранные методом сплошной выборки из древнеанглийской героической поэмы «Беовульф».

Исследование лексического материала поэмы «Беовульф» показало, такому понятию, как «воин» соответствует 37 синонимов. Для того чтобы упомянуть воинов, автор использует множество не прямых ссылок (например, **blaédágame** fame-bearers в строке 1013 или **eaxlgesteallan** shoulder-companions в строке 1714). Также поэт делает это через кеннинги (**rondhæbbendra** shield-owner, строка 861). Среди них присутствуют и лексические единицы, нигде, кроме поэмы «Беовульф», не встречающиеся, так называемые гапаксы, например: **beadorinc/hilderinc** battle-warrior (строки 1109 и 39 соответственно).

Здесь же стоит упомянуть, что большинство воинов, которые являются героями «Беовульф», названы поэтом «благородными». То есть, судя по описанию воинов автором поэмы, все они люди высокого происхождения. Об этом свидетельствуют такие лексические единицы, как

æþele ordfruma noble leader/chief (строка 263); **æþele ond éacen** noble and mighty (строка 198); **cempan gecorone** chosen champions (строка 206); **sibbegedriht** noble band of kinsmen (строки 387 и 729); **eorla gedryht** company of nobles (строка 431).

Согласно представлениям древних германцев, основными качествами воинов (самыми часто упоминаемыми) являлись сила и храбрость. На этом основании удалось выделить следующие два фрейма: **воин сильный** и **воин храбрый**.

Фрейм 1. Воин сильный

В «Беовульфе» англосаксонский герой четко определен действиями не только рядовых воинов, но и самого Беовульфа. Очевидно, что Беовульф - особый герой. Его сила и мужество беспрецедентны, и он гораздо смиреннее (и благороднее), чем многие из окружающих его развращенных богатствами и славой воинов. Беовульф демонстрирует свою огромную силу время от времени. Воюет ли он с морскими монстрами, Гренделем, матерью Гренделя или ужасным огнедышащим драконом, Беовульф показывает, что его мужество должно быть источником вдохновения для всех героев.

Сила и внешний вид важны для англо-саксонского воина. Сам Беовульф описывается как воин, чья только одна рука обладает силой «тридцати человек»: **hé þrítiges manna mægen-cræft on his mundgripe hæbbe** he thirty men's strength in the grip of his hand has (строки 379 – 381). Когда он впервые прибывает в страну датчан, береговая охрана видит могучего героя и говорит: **naéfre ic máran geseah** never have I seen greater **eorla ofer eorþan ðonne is éower sum** noble on earth than the one that you are (строки 247 - 248). Это качество также играет особую роль в описании воинов в поэме Беовульф, так как соотносится с основной задачей этого слоя англосаксонского общества: защищать народ от бед и других воинов.

При описании отряда Беовульфа, собирающегося на помощь королю Хродгару, автор использует такое словосочетание, как **magodriht micel big**,

mighty group of people (строка 67). Далее, в монологе сам главный герой говорит о своих воинах, с которыми Гренедлю предстоит сразиться, что те являются сильными и смелыми: **Ac ic him Géata sceal eafod ond ellen gúpe gebéodan** I shall him the Geats, might and courage, offer in war (строки 601 – 601). Далее главный герой снова говорит о своих людях, называя их **mægenhréd manna (mægen might)** (строка 445).

Воин так же представляется как человек, который силен не только физически, но и духом. Эпизод, в котором описывается столкновения Беовульфа и Гренделя, содержит следующее выражение, употребленное по отношению к главному герою: **higepihtigne rinc** strong-minded warrior (строка 746). К этому же качеству, решительности, относится слово, которое встречается два раза на страницах поэмы: **swiðferhþe** strong-souled (строки 493 и 908). Ещё одно выражение, являющееся синонимом вышеупомянутого слова, встречается в строках 394 и 799, - **heardhicgende** bold-minded.

Фрейм 2. Воин храбрый

Сила, безусловно, является важной характеристикой героев англосаксонской культуры, но одной силы недостаточно, чтобы определить героя. Беовульф показывает, что каждый герой должен обладать мужеством. В споре с Унфертом, когда тот утверждает, что главному не выстоять против Гренделя, Беовульф говорит, что судьба часто спасает человека, когда его мужество велико: **Wyrd oft nered unfaégne eorl þonne his ellen déah** Fate often saves not doomed to die man when his courage is strong (строки 572 - 573). Эта цитата свидетельствует о важности мужества в англосаксонской культуре. Судьба, которая считалась неизменной, кажется, сгибается для героя, у которого хватает смелости. Беовульф говорит Хродгару и датчанам, что он убьет Гренделя (что само по себе было бы большим подвигом силы), но он говорит, что сделает это без меча, и это показывает его мужество и честь. Когда Беовульф произносит эти слова, он проявляет свое великое мужество и демонстрирует правильное отношение англо-саксонского воина. Смерть воина достойна чести, и мужество должно проявляться

делами, даже если это означает смерть. Герой должен быть готов умереть, чтобы достичь славы. Он должен проявить мужество перед лицом непреодолимых или невозможных трудностей, и у него должна быть сила, чтобы поддержать его мужество.

В строке 174 автор называет воинов Хигелака сложным словом **swiðferhðum**, которое дословно переводится как strong-spirited и его можно разбить на элементы **ferhð** spirit и **swið** strong. Также в тексте поэмы 7 раз употребляется по отношению к героям-воинам слово **hildedéor** daring in battle, состоящее из **hild** battle и **déor** dare (строки 312, 834, 1646, 1816, 2107, 2183 и 3169). Почти в самом начале поэмы, где описывается эпизод прибытия воинов-гётов, отряд назван **men módiglícran** brave men (строка 337). Также автор 2 раза использует слово **swiðhicgende**, которое переводится как resolute, brave, strong-minded (строки 219 и 1016).

В англо-саксонской культуре и литературе быть героем - значит быть воином. Герой должен был быть сильным, умным и смелым. Воины должны были быть готовы столкнуться с любыми трудностями и сражаться до смерти за свою славу и свой народ. Судьба зачастую готовит воинам англосаксонского эпоса коварные испытания, через которые можно пройти, будучи человеком здравомыслящим, разумным и в некоторых случаях даже хитрым. Так, Вульфгара, одного из приближенных Хродгара, поэт описывает: **wæs his módsefa manegum gecýðed wíg ond wísdóm** his courage was well-known to many, war-skill and wisdom (строки 349 – 350). На страницах произведения дважды встречается выражение **snotere ceorlas** clever chaps (строки 202 и 416).

3.4 Анализ концепта «Враг»

В виду особенностей материала, его сюжетной составляющей, концепт «Враг» носит особый характер, который отличается от стереотипного понимания противостоящей стороны в контексте войны. В

рамках концепта будет описано восприятие образа «чудовища», поскольку в эпической поэме Беовульф противостоит трём антагонистам: Гренделю, Матери Гренделя и Дракону, а событиям, относящимся к междоусобным войнам, борьбе людей с людьми, уделено не столь пристальное внимание.

Цель настоящей части параграфа – рассмотреть фрагмент действительности древних германцев, стоящий за концептом ВРАГ, выявить его позицию и значимость в древнеанглийской картине мира.

Материалом исследования послужили контексты употребления лексем, соотносящихся с рассматриваемым концептом, отобранные методом сплошной выборки из древнеанглийской героической поэмы «Беовульф».

Анализ языкового материала показывает, что враг является противоборствующей силой, наводящей ужас как на воинов и их предводителей, так и на рядовых членов древнегерманского общества. Так, Грендель несколько раз описывается в поэме как **aglæca** awesome opponent, fearsome fighter (дважды в сочетании с прилагательным **atol** horrible, terrible); этот же термин используется в отношении некоторых других персонажах поэмы, включая мать Гренделя и Дракона (всего это существительное встречается 4 раза в тексте поэмы, в строках 159, 433, 592 и 816). Цель автора поэмы состоит в создании особой пугающей атмосферы при введении в события сюжета потусторонней злой силы, сеющей разрушение и панику.

Качественная окраска данного концепта является крайне негативной. Черты, приписываемые врагу в рамках концепта, можно разбить на следующие 6 фреймов: **враг проклятый; враг-вредитель; враг-убийца; враг неизвестный; враг жадный; враг ненавистный.**

Фрейм 1. Враг проклятый

Фрейм сосредоточен на том, что враг как олицетворение зла противопоставляется божественной силе. Христианство, которое анахронично вплетается в повествование, является любопытной

особенностью поэмы: хотя все персонажи в Беовульфе являются языческими, в поэме содержится много эпитетов, которые относятся к христианской религии. «Беовульф» не является религиозным произведением, сама история родом из дохристианской эпохи, однако версия, изложенная в письменном виде и дошедшая до наших дней, была написана для христиан, автором, которому была как минимум близка монотеистическая идеология. «Беовульф» - сплав лучших черт языческого и христианского идеалов.

Одной из определяющих черт врага в поэме является факт его отступничества от бога: в строке 811 прямым текстом сказано, что Грендель выступает против бога, противостоит ему: **he fág wið god** he, who fought with God. Более того, автор в начале истории делает явную отсылку к библейскому сюжету о Каине и Авеле, говоря о Гренделе, что тот принадлежит роду первоубийцы, навек отринутому от рода людского: **gaést Grendel háten** demon was named Grendel; **him scyppend forscifen hæfde** him the Creator had condemned; **in Caines cynne** with the kin of Cain (строки 102 – 107). Также автор отмечает, что бог отомстил роду Каина за смерть Авеля: **þone cwealm gewræc ece drihten** that killing avenged the eternal lord (108 строка). Далее, в эпизоде первого нападения Гренделя на поселение данов чудище именуется **wiht unhaélo** damned creature. Unhaélo = un + hǣlo, где un – отрицательный суффикс, а hǣlo дословно значит «healthy»; то есть, это «нечто нездоровое», являющееся отклонением от нормы, идущим против природы. Оно убивает, следовательно, выступает против самого создателя. Согласно строке 164 чудовище является не просто врагом Хродгара и его народа, а злом, угрожающим всему роду человеческому: **féond mancynnes** fiend of the man's kin/mankind.

В строке 101 Грендель именуется существом, чьей обителью является ничто иное, как ад: **féond on helle** a fiend in hell. Помимо этого, согласно строке 778, Грендель – узник ада и после смерти: **helle hæfton** hell's prisoner. В строке 851, где описывается кончина чудовища, его иносказательно

называют **haéþene sáwle** heathen soul: **in fenfreoðo feorh álegde haéþene sáwle þaér him hel onféng** in his fen-refuge he laid down his life, heathen soul; there Hell embraced him. Также автор вновь упоминает ад, намекая, что всем тем, кто отрицает бога, место в аду.

В строке 628, относящейся к эпизоду пира в честь прибытия гаутских воинов на помощь датскому конунгу, монстра называют словом «fyrena», что дословно означает «sin»: **eorl gelyfde** the warrior believed in **fyrena frófre** relief from sin. Использование слова с данным значением снова отсылает читателя к грехопадению жадного убийцы-пожирателя воинов. В строке 801, где описан момент расправы над чудовищем, автор даёт Гренделю ещё одно наименование, связанное с его греховной сущностью, **synsceaþa** sinful scather/enemy (sin+scathe+er, где scathe – «вред»): **hildemecgas héawan þóhton sáwle sécan þone synscaðan** battle-men thought to hew to seek the soul of that the sin-scather.

Фрейм 2. Враг-вредитель

В поэме присутствует множество выражений, относящихся к такому качеству личности чудовища (врага), как его жестокость и вредоносность. Например, физические характеристики Гренделя остаются расплывчатыми для читателя, так как никогда не детализируются, но зато для описания его деяний используется широкий спектр эпитетов и прочих лексических единиц, указывающих на чудовищность: строка 102 - **grimma gast** grim guest, visitor or grim evil spirit, demon; строка 103 - **mare mearcstapa** well known wanderer in the waste borderland; строка 122 - **réoc ond réþe** savage and cruel. Исходя из этого, анализ данного фрейма сосредоточен на чертах характера и на действиях вражеских существ.

В строке 554 Грендель назван **fáh féondscaða** the hostile foe, где **fáh** – прилагательное, имеющее значение «вражеский, неприятельский», а существительное **féondscaða** является двусоставным: **féond** fiend + **scaða** scathe (вредить). Также упоминание Гренделя в строке 723 происходит через использование двусоставного слова **bealohýdig**, которое, разложив на

морфемы (**bealo** harm, injury + **hýdig** of stern purpose), можно перевести как *intending evil or destruction*. В строке 766 читатель сталкивается с очередным синонимом, обозначающим война-врага (употребленного автором по отношению к чудовищу), **hearmscaþa**, которое состоит из двух отдельных слов *harm* и *scathe*. Таким образом, вновь и вновь делается акцент на том, что враг приносит вред и разруху.

Помимо описание качественных черт врага, автор уделяет внимание его действиям. С этой целью он использует различные лексические единицы, относящиеся к описанию деяний чудовищ. Так, в строке 563 по отношению к Гренделю употреблено слово **manfordædlan**, которое имеет значение *evil-doer*.

В строке 567, где Беовульф описывает свою схватку с морским чудовищем (данный эпизод не имеет прямого отношения к событиям произведения, а вписан в него как воспоминания главного героя), он рассказывает о силе монстра через его действие: **fæste hæfde grim on grápe** *it held me fast, cruel in grip*.

В тексте поэмы также присутствует слово **manscaða**, которое означает *wicked destroyer*. Оно встречается 3 раза: первый и второй разы, когда речь идёт о Гренделе (строки 712 и 737 соответственно) и третий в строке 1339 по отношению к матери Гренделя **ond nú óþer cwóm mihtig mánscaða** *and now the other has come the mighty crime-wrecker*.

Фрейм 3. Враг-убийца

Одной из черт врага, присущей всем чудовищам из поэмы, является их смертоносность. Они убивают, исходя из разных мотивов (Грендель крадёт людей и ест их; мать Гренделя убивает из-за мести за сына; Дракон уничтожает тех, кто покушается на его сокровища).

В строке 135-136 о Гренделе говорится: **eft gefremede morðbeala máre** *again he made a more brutal slaughter*. В этих строках описываются бесчинства чудовища, терроризирующего Хродгара вот уже в течение 12 лет до описываемых в истории событий.

В строке 1743 Дракон назван убийцей, «**bona**»: **bona swiðe néah sá þe of flánbogan fyrenum scéoteð** the killer is very near, he who with his bow fire fireproduces.

В строке 741 описан эпизод прихода Гренделя в медовый зал, где его поджидает в засаде Беовульф со своей дружиной. Несмотря на готовность главного героя дать отпор врагу, чудовище успевает убить одного из воинов: **slaépendne rinc slát unwearnum** a sleeping warrior torn without hesitation.

Строка 792, относящаяся также к вышеупомянутому эпизоду, содержит другой синоним слова «убийца», **cwealmcuman** murderous visitor, one come to do murder: **Nolde eorla hléo aénige þinga þone cwealmcuman cwicne forlaétan** The warrior-protector wanted no murderous visitor alive to release.

Также в тексте также встречается слово **wælræs**, которое дословно переводится как murderous attack: строка 824, где говорится о Гренделе **æfter þám wælræse** after that murderous attack. **feorhgeniðlan** - еще одно слово, раскрывающее сущность убийцы, встречается в поэме 2 раза: строка 969, где Хродгар обращается к Беовульфу со своей благодарственной речью, называя Гренделя **feorhgeniðlan** mortal foe/enemy; строка 1540, где речь идёт о матери Гренделя **hé gebolgen wæs feorhgeniðlan** she was enraged, the deadly foe.

Фрейм 4. Враг неизвестный

Выражения этого фрейма отражают скрытность чудовищ: неизвестно, как они выглядят, откуда появились и куда уходят после совершения бесчинств.

В условиях противостояния врагу его необходимо знать в лицо, иначе одолеть его едва представится возможным. Для создания атмосферы таинственности, которая окружает Гренделя, автор из стилистических соображений избегает детализированного описания его внешнего образа, а

читатель, которого держат в неведении, проникается страхом к безликой твари.

Чудовище приходит ночью (**nihtbealwa maést** the greatest night-evil, строка 193) и обитает там, где его не найдут смертные (**sé þe mórás héold fen ond fæsten** he who held the moors, fen and fastness, строки 104 и 103). Также в строке 807 Грендель назван «призраком, приходящим из ниоткуда», «**ellorgást**» (**ellor** – elsewhere): **ond se ellorgást on féonda gewæld feor síðian** and the alien-spirit into the administration of fiends would journey far away.

В строке 275, в рамках эпизода прибытия гаутов на помощь к данам (конкретно эти строки относятся к монологу Беовульфа, где он сообщает, что слышал о некой сущности, не дающей покоя Хродгару) о Гренделе сказано: **déogol daédhata deorcum nihtum éawed þurh egsan uncúðne níð** a furtive despoiler, in dark nights, sickeningly reveals unknown enmity, где «**déogol daédhata**» дословно можно истолковать как «secret/hidden deed-hater», то есть, «скрывающийся ненавистник благих дел», а **uncúðne níð** - «неизвестное зло».

В строке 703 присутствует еще один синоним, обозначающий «врага, крадущегося в темноте», который можно отнести к характеристикам скрывающейся сущности: **sceadugenga** walker in shadow; shadowy walker.

С самого начала Грендель описывается как **atol ángengea** horror evil who walks alone (строка 165), который влачит своё жалкое существование в одиночестве: **earfoðlice ... in þystrum** grievously/bitterly/ painfully...in darkness (строки 86 – 87).

Культура, принятая в обществе людей, о которых идет речь в поэме, рассматривает коллективный образ жизни как нечто естественное (описываемые события по хронологии соответствуют началу разложения родоплеменных отношений у древних германцев), поэтому не доверяет и часто демонизирует одиночек. Из-за этого отшельничество Гренделя сразу же становится одной из его самых негативных черт: изгнание с родины и/или племени - одна из самых горьких участи англосаксонского общества,

которую может постичь человек. Поэма одобряет крайне негативное отношение человеческой культуры к тем, кто не входит в ее рамки.

В строке 449 Грендель второй раз именуется существительным **ángenga**: **eteð ángenga unmunlice** the lone prowler eats unmournfully.

Фрейм 5. Враг ненавистный

Чудовища в поэме творят бесчинства: запугивают людей, убивают их, не дают спокойно жить, олицетворяя чистое зло. Совершенно естественно, что составляющей концепта «Враг» является чувство ненависти; в виду совершенных злодеяний враг в понимании героев поэмы предстаёт как сущность, вызывающая неприязнь, злобу и гнев. Данный фрейм включает 4 лексических единицы, относящихся к ненависти в адрес врага.

В строке 459 Беовульф рассказывает о своих предыдущих подвигах: **Swá mec gelóme láðgetéonan þréatedon þearle ic him þénode déoran sweorde** Thus me often hateful attackers pressed sorely; I served them with my dear sword. Существительное **láðgetéonan** значит *hateful enemy*, где морфема **láð** соотносится с современным английским словом *loathe*.

Далее по тексту в строке 974 это же слово употребляется по отношению к уже сокрушенному Гренделю: **nó þý leng leofað láðgetéona** not the longer does he live, the hateful spoiler. В 843 строке по отношению к Гренделю употреблено прилагательное **tírléases**, что означает *gloryless* (**tír** – *glory*). Предполагается, что такому злейшему врагу уготована всеобщая ненависть, а не добрая слава.

Вновь о Гренделе в контексте «ненавистный враг» сказано в строке 750, где тот поражён нечеловеческой силе Беовульфа, сбит с толку: **Sóna þæt onfunde fyrena hyrde þæt hé ne métte on elran men mundgripe máran** At once he found, the shepherd of atrocities, that he had not met in another man a greater hand-grip (буквально *hyrde* (*hierde*) значит «пастух», в современном английском есть слово «herder», пастух, то есть, дословно выражение **fyrena hyrde** можно перевести как «пастух злодеяний»).

Фрейм 6. Враг жадный

В противопоставление одному из положительных ключевых качеств хорошего конунга (фрейм «Конунг щедрый» в составе концепта «КОНУНГ») в эпической поэме по отношению врага выявляется фрейм «Враг жадный», который входит в концепт «Враг». Данный фрейм включает 4 лексических единицы, раскрывающих данную черту, типичную для образа врага.

Из сюжета следует, что Грендель питался человеческой плотью. В строке 121 из описания чудовища следует, что по натуре он был склонен к жадности: **grim ond graédig** grim and greedy. В строке 743 читатель наблюдает сцену пожирания несчастного солдата из войска Боувульфа, который единственный из всех 15 воинов в этом эпизоде встретил свою смерть в лапах мерзкого чудовища: **þæt áglæca bát bánlocan blód édrum dranc synsnaédum swealh** that monster bit into the bone-locks, drank vein blood, swallowed great chunks. Делается акцент на том, что чудовище алчно поедало «человечину», отрывая огромные куски (**synsnaédum**, где **snaédum** – «еда»).

В строке 1277 Мать Гренделя также упоминается как существо жадное **gifre ond galgmód** greedy and gloomy-minded (где **galgmód** значит «мрачномыслящий»: **galg** sad; **mód** mind).

3.5 Анализ концепта «Военное снаряжение»

Цель настоящей части параграфа – рассмотреть фрагмент действительности древних германцев, стоящий за концептом «Военное снаряжение», выявить его позицию и значимость в древнеанглийской картине мира. Материалом исследования послужили контексты употребления лексем, соотносящихся с рассматриваемым концептом, отобранные методом сплошной выборки из древнеанглийской героической поэмы «Беовульф».

Помимо непосредственно описания оружия, в поэме присутствуют множество лексических единиц, относящихся к защитному обмундированию (щиты, кольчуги, латы): **céol gegyrwan keel adorned hildewaérnum with weapons of battle ond heaðowaédum billum ond byrnum and war-dress bill-blades and byrnies** (из описания судна Беовульфа, строки 38 – 40).

Кроме прямых описаний тех или иных видов оружия, используются различные иносказательные упоминания в форме метафор и кеннингов: **sume þaér bidon heaðoréaf héoldon** some waited there, guarding the gear of war (строки 400 – 401), где «**heaðoréaf**» = **réaf** clothing + **heaðo** battle, дословно «одежда для битвы». Ещё один пример – слово «**wuduwælsceaftas**», что дословно переводится как «wooden slaughter-shafts», в строке 398 употреблено вместо непосредственно слова «копья», **speru**. Иносказательно «благородным железом» назван меч Беовульфа в строке 892: **hit on wealle ætstód dryhtlic íren** it on the wall stood, the noble iron. Щиты в строках 397 и 3139 упомянуты через кеннинг **hildebord (hild battle + bord board)**.

Лексические единицы в рамках данного концепта разбиты на фреймы как по оценочному признаку, так и по функциональному. Не только оружию в целом приписываются различные качества, но и каждому из видов обмундирования. Таким образом, в рамках концепта «Военное снаряжение» нам удалось выделить следующие 3 фрейма: **Оружие в целом; Меч; Броня**.

Фрейм 1. Оружие в целом

Лексические единицы в рамках данного фрейма относятся к оружию и обмундированию как к понятию собирательному, без указания конкретного вида. Так, в поэме неоднократно делается акцент на оружии как на атрибуте состоятельности, обязательно богато украшенном, красивом, привлекающем внимание: **secgas baéron on bearm nacan beorhte frætwe** the men bore into the bosom of boat bright armour (строки 213– 214), где **beorhte** – bright, a **frætwe** – не только armour «оружие», но и treasure, так как это

производное существительное от глагола **frætwan** to adorn/decorate. Строкой ниже имеется еще одно словосочетание, включающее в себя синонимы словосочетанию «красивое оружие» – **gúðsearo geatolic magnificent armour** (строка 215).

Помимо того, что оружие радует глаз, оно устрашает, наводит ужас на противника: **þá hie tó sele furðum in hyra gryregeatwum gangan cwómon** as they to the hall straight in their grim gear came marching (строки 233 – 234), где **gryregeatwum** – двусоставное существительное, состоящее из элемента **gryre** horror и **geatwe** equipment.

Также оружию часто приписываются человеческие качества (принцип антропоморфизма будет более подробно рассмотрен на примере мечей далее): **Þá of wealle geseah weard Scildinga ... fyrdsearu fúslicu** Then from the wall saw the ward of the Scyldings ... eager war-devices (строки 229 – 232). В этой строке внимание привлекает слово **fúslicu**, которое является производным от **fus** ready/willing.

Наряду с устрашением врага, оно должно приносить победу: **gúðbilla nán grétan nolde** of war-bills, none, could not at all greet him **ac hé sigewaépnnum** but he victory-weapons (строки 803 – 804), где **sigewaépnnum** = **sige** victory + **waépnnum** weapon.

Фрейм 2. Меч

В данной части параграфа нашего исследования среди всех описанных фреймов концепта «Военное снаряжение» особую позицию занимает фрейм «меч», так как языковые единицы, относящиеся к данному виду холодного оружия, встречаются наиболее часто.

Автор поэмы не только широко использует простые и составные слова-синонимы слову «меч» в сочетании с различного рода качественными прилагательными, но и изобретает собственные термины (об этом свидетельствует то, что нигде, кроме поэмы «Беовульф» некоторые слова не встречаются). То есть, для введения в текст такого, казалось бы, банального концепта, как меч, поэт оперирует целым рядом терминов: **bil, brond, ecg,**

heoru, mece, sweord в разных вариациях с другими простыми словами. Используя метонимию (например, употребление слова **iren** iron вместо непосредственно слова «меч»), уточняя вид меча (например, **seax** short-sword), и давая имена собственные разным мечам (такие примеры, как **Hrunting**, меч Унферта, **Nægling**, меч, использованный Беовульфом против дракона), поэт разнообразит речь, расширяет отсылки на те или иные понятия. Однако комбинируя вышеупомянутые простые слова, автор ещё и вводит собственные слова, которые могут означать одно и то же понятие, но являться разными по своей форме: **beadomece, guðbil, guðsweord, hildebil, hildemece, wigbil** (все эти слова значат в общем понимании 'battle-sword'). Помимо этих составных слов, автор опирается на различные качества, комбинируя единицы: **ealdsweord/gomelswyrd** old sword, **hæftmece** hilted sword, **maðþumsweord** treasure-sword, **wægsweord** wave-patterned sword. Автор таким же способом описывает тип меча (**brogdenmæl, hringmæl, sceadenmæl, wundenmæl**: все эти слова означают дамасскую сталь или просто украшенные каким-либо способом мечи). Также автор иногда использует метафору, ссылаясь на меч: **beadoleoma/hildeleoma** battle-light, **guðwine** war-friend.

В рамках данного фрейма меч можно рассматривать с двух сторон: как нечто одушевлённое и как предмет неодушевлённый. Нам удалось выделить следующие качества: чудовищность меча и функциональность как орудия для битвы.

На «чудовищность» меча указывают такие лексемы, как **heorodreor** (sword-) gore, blood, что дословно переводится как «мечевая кровь» (**heoro** sword + **dreor** blood) (строки 487, 849) и **heorodreorig** bloody, drenched in the blood of combat (строки 935, 1780, 2720). В данном случае имеет место быть двойная сущность меча – это, во-первых, его прямая функция, заключающаяся в нанесении ран, и во-вторых – чудовищная сущность, так как лексический анализ показывает, что элемент **heoro** в составе двойных лексем **heorodreor** и **heorodreorig** употреблён по отношению к чудовищу:

eal bencþelu blóde bestýmed all of the benches smeared with blood (строки 487 – 488). В данном отрывке речь идёт о крови, пролитой воинами в попытках одолеть Гренделя. Грендель, в свою очередь, согласно тексту поэмы, не прибегал к использованию оружия, поэтому ранить мечом он способен не был. Более того, оружие воинов также не наносило Гренделю урона, поэтому **heorudreor** не является кровью чудовища.

Из этого можно предположить, что меч в широком контексте подразумевается, как нечто одушевлённое, пьющее кровь из нанесённых им ран. Это иллюстрируется наличием такой лексемы, как **hiorodrync** the drink of sword: **Hrédles eafora hiorodryncum swealt** Hrethel's heir, died in the drink of sword (строки 2358 – 2359).

Так же в одном из описаний своих подвигов Беовульф называет мечи **fágum sweordum** hostile swords (без конкретизации, чьё именно это оружие): **daéd gefremede fágum sweordum** performed a deed with hostile swords (строки 585 – 586). С одной стороны, можно воспринимать это прилагательное как то, что относится к врагу, «вражеский меч», делая акцент на принадлежности, а не качестве, однако в контексте эпизода подвиги относятся к товарищу главного героя. Это позволяет полагать, что чудовищность меча не рассматривается как негативный признак.

Для англосаксонской картины мира было типично восприятия меча как товарища, помощника в битве: **him írenna ecge mihton** him irons edges could **helpan æt hilde** help in battle (строки 2683 – 2584); **næs þæt þonne maétost mægenfultuma** not the least then of his mighty supports **wæs þaém hæftméce Hrunting nama** was the long-hilted maiche-sword named Hrunting (строки 1455 – 1457). В приведенном отрывке меч назван **maegenfultum**, что можно перевести как «сильная поддержка» (**maegen** mighty + **fultum** support). К тому же, в данном контексте слово «меч» употребляется с глаголом **helpan** help, что ещё раз акцентирует на одушевлённости орудия.

Воитель и его орудие «работают» сообща в схватке, являются равноправными, но в то же время автор указывает на уязвимость меча, так

как существуют противники, против которых меч выстоять не в силах: **gúðbill geswác** war-bill failed (строка 2584); **mægenstrengo slóh hildebille** mighty force slew the battle bill (эпизод схватки Беовульфа с Драконом, где его второй меч, Нэглинг, сломался под натиском чудовища, строки 2678 – 2679); **ecg geswác déodne æt þearfe** the blade failed the noble in his need (момент, когда Хрунтинг, меч, данный Беовульфу Унфертом, не смог помочь главному герою в битве с матерью Гренделя, строки 1524 – 1525). Также Беовульф говорит о своём мече: **láðgetéonan ... ic him þénode déoran sweorde** hateful attackers ... I served them with my dear sword (строки 559 – 561). Здесь *déoran sweorde* – это очередная отсылка к антропоморфности меча и восприятию его как союзника в битве.

Стоит отметить, что согласно исследованиям, мечи подводят воинов в битве не потому, что недостаточно хороши или сильны по своей природе. Это связано с тем, что противники изначально наделены такими качествами, что с ними герои могут справиться либо собственноручно (как в битве с Гренделем, уязвимым только к рукопашному бою), либо требуется особое оружие. Так, в схватке с матерью Гренделя главному герою удалось её одолеть только с помощью меча, ниспосланного ему самим богом: **ond hálig god gewéold wígsigor** and the holy god controlled his victory (строка 1553). Это, безусловно, намекает на исключительность данного предмета.

Несмотря на антропоморфизм, прослеживающийся в описании мечей, основная характеристика этого предмета – орудие сражения. Это можно доказать на следующих примерах, в который акцент делается на действиях, проводимых при помощи меча: **þonne ic sweorde drep ferhðgeníðlan** when I struck with the sword the deadly enemy (строки 2880 – 2881); **bille gebéaten** beaten down by bill-blades (строка 2359); **ond ic héafde becearf Grendeles módor** and I cut off the head of Grendel's mother (строки 2138 – 2881); **lét se ealdsweord eotonisc entiscne helm brecan ofer bordweal** let him, the old ogrish sword, break the gigantish helm over the shield-wall (строки 2977 – 2980);

В тексте поэмы также встречаются сложные слова, в состав которых входит компонент **wig/hild** war (**wigbil, hildebil**), которые также отражают функциональный признак орудия.

Меч также представляется как орудие убийства, будучи неодушевленным предметом: **Pá ic on morgne gefrægn maég óðerne** Then I heard in the morning that one kinsman the other **billes ecgum on bonan staélan** with bill's edges took vengeance on the slayer (строки 2484 – 2485); **hé on mergenne méces ecgum** he in the morning by the edges of a maiche **gétan wolde** to kill wanted (строки 2939 – 2940); **þám æt sæcce wearð** of him in battle was **wræcca wineléasum** of the friendless exile **Wéohstánes bana méces ecgum** Weohstan his slayer by maiche's edges (строки 2612 – 2614);

Месть – неотъемлемая часть любого произведения, повествующего о войне. Сам меч в одной из сюжетных линий «Беовульфа» становится причиной вражды между племенами хадобардов и данов: старый воин из племени хадобардов замечает на данах, пришедших к первым в гости, амуницию, некогда принадлежащую хадобардам и отвоёванную у них данами, в том числе меч-достояние племени: **Meaht dú, mín wine, méce gecnáwan** Can you, my friend, recognise that maiche, **þone þín fæder tó gefeohte bæc** that your father bore into the fight (строки 2047 – 2048). Тот самый меч, некогда принадлежащий отцам воинов, в будущем станет причиной очередной кровавой вражды между примирившимися племенами. Данный эпизод также доказывает, что факт передачи по наследству является также одной из важных характеристик мечей в поэме «Беовульф». Так, словосочетание **ealde láfe** old heirloom встречается в тексте 3 раза (строки 795, 1488, 1688), и везде по отношению к мечам (дословно **láfe** – what is left behind, то есть, наследие, доставшееся от предков).

Также «меч» в тексте употребляется с глаголом **gewraecan** to revenge, что свидетельствует о том, что он может выступать как орудие мести: **hé hyne sylfne gewræc ána mid ecge** he avenged himself one with a blade (строки 2875 – 2876).

В поэме также делается акцент на внешнем облике меча. Оружие представляется как предмет красивый, украшенный благородными металлами и/или драгоценными камнями: **hé sealde his hyrsted sweord írena cyst ombihtþegne** he gave his adorned sword, the best of irons, to his retainer (строки 672 – 673). В этих строках речь идёт о мече самого Беовульфа. В строках 1020 – 1028 присутствует описание сокровищ, дарованных главному герою поэмы королём Хродгаром в благодарность за спасение своего племени от ужасного чудовища Гренделя. Среди этих сокровищ есть меч, названный **maére máðþumsweord** the renowned treasure-sword.

Фрейм 3. Броня

Описанию брони уделено меньшее внимание, чем, например, мечам. Автор поэмы вводит описание тех или иных видов защитных приспособлений в основном только с описательной целью, как часть облика воинов. Так, поэт описывает снаряжение отряда главного героя в начале поэмы, лишь упоминая факт наличия кольчуг и прочего «военного одеяния»: **ne hýrde ic cýmlícor céol gegyrwan** I have not heard of a comelier keel adorned **hildewaépnnum ond heaðowaédum billum ond byrnum** with weapons of battle and war-dress bill-blades and byrnies (строки 38 – 40). Четыре дара, полученные Беовульфом от Хродгара в знак благодарности за избавление данов от жуткого чудовища Гренделя, также включают в себя кольчугу шлем. Дары описываются в строках 1020 – 1034, где сказано, что они включают в себя меч Хальфдана (**brand Healfdenes**, строка 1020), золотое знамя (**segen gyldenne**, строка 1021), и, собственно, предметы экипировки (**helm on byrnan**, строка 1022); это точно такой же набор оружия, который Беовульф передает Хигелаку в третьей части поэмы, описанный как **eofor heafod segn, heaðosteapne helm, hare byrnan, guðsweord geatolic** a boar-headed standard, a helmet towering in battle, a grey mail-coat, a splendid war-sword (строки 2152 – 2154).

Прилагательные, которые сочетаются с лексическими единицами, относящимися к данному фрейму, носят преимущественно описательный

характер, сосредотачиваясь на внешнем облике брони, а не на её функциях: **gúðbyrne scán heard hondlocen hringíren scír** war-byrnie shone hard, linked by hand, ring-iron glittering (строки 321 – 322). Далее по тексту: **Béowulf maðelode – on him byrne scán searonet seowed smipes orþancum** Beowulf spoke – on him a mail-coat gleamed, a net of armour woven by smith's skillful art (строки 405 – 406). Перед тем, как окунуться в озеро и сразиться в схватке с матерью Гренделя, Беовульф облачается в броню: **Gyrede hine Béowulf eorlgewaédum** Beowulf armed himself in noble garments (**eorlgewaédum** – двусоставное слово, включающее в себя два элемента: **eorlic** noble и **waédum** garment/clothing, строки 1441 – 1442); **scolde herebyrne hondum gebróden** it was necessary that his army-byrnie, braided by hands **séo ðe báncofan beorgan cúpe** the bone-chamber could protect (строки 1443 – 1445, здесь в очередной раз делается акцент на ручной работе: **hondum gebróden**, как и до этого, в строке 322: **hondlocen**, а также в строке 551: **lícsyrce mín heard hondlocen** my mailcoat hard and hand-linked). Упоминается также, что броня изготавливалась из драгоценных металлов: **heaðostéapne helm háre byrnan** the battle-steep helm, hoar-silver byrnie (строка 2153).

В тексте также упоминаются щиты. Если такие защитные приспособления, как кольчуга и шлем, могли позволить себе в основном только люди знатные, то щитом обладал каждый рядовой воин. Ввиду отсутствия связи с главными героями поэмы, щиты обычно просто называются. Судя по описанию данного вида экипировки, в англосаксонской картине мира щиты обладали в основном двумя признаками, – это прочность и блеск, например: **beorhte randas** bright bossed-shields (строка 231). Также: **in hyra gryregeatwum gangan cwómon** in their grim gear came marching **síde scyldas rondas regnhearde** their wide shields, round hard rims (строки 324 – 326).

3.6 Анализ концепта «Герой»

Фрейм 1. Герой-воин

Для людей раннего средневековья героизм в первую очередь ассоциируется с военным делом. Герой – это прежде всего воин, защитник от физической угрозы, поэтому основная функция эпического героя проявляется в ратном деле. Соответственно, первая группа лексем раскрывает те признаки, какими герой наделён в битве.

Уже с самых первых строк появления Беовульфа в поэме автор восхваляет силу – **strengð** своего героя, говоря о ней в превосходной степени – **mægen strengest: Higeláces þegn gód mid Géatum, Grendles daéda; sé wæs moncynnes mægenes strengest on þaém dæge þysses lifes æpele ond éacen** (строки 194-198). Услышал весть о победах Гренделя храбрец гаутский, дружинник Хигелака — он был сильнейшим среди могучих героев знатных, статный и гордый.

У эпического героя не только рука должна быть сильной, но и характер. О твёрдости характера (твёрдый, решительный, непоколебимый - **ānhýdig**) говорится в следующем отрывке из поэмы «Деор»: **Wélund him be wurm wráeces cunnade anhýdig eorl, earfoþa dréag** (строки 1-2), Велунд изведаль, вождь могучий, тоску изгнания в змеекузнице.

Отвага – безусловно принципиальное личностное качество любого героя (бесстрашие – **mōd**). Неудивительно, что в древнеанглийском языке существовал довольно большой синонимичный ряд слов со значением «отважный, бесстрашный, смелый, храбрый» – **from, mōdig, unforht, baldlīce, cāf, wīgheard** (свирепый в битве): **Het þa hæleða hleo healdan þa bricge wigan wigheardne**. Бесстрашный – **modwlonc** (**mōd** (бесстрашие) + **wlonc** (высокий, отличный, величественный), храбрый как зверь – **dēor** (в этимологии данного слова заложены значения как «зверь, животное», так и «храбрый, смелый»), сильный и решительный **hwæt** – вот идеал эпического героя для создателя поэмы «Морестранник»: **Forþon nis þæs modwlonc mon ofer eorþan, ne his gifena þæs god, ne in geoguþe to þæs hwæt, ne in his dædum to þæs deor, ne him his dryhten to þæs hold, þæt he a his sæfore**

sorge næbbe, to hwon hine Dryhten gedon wille (строки 39-43: «ибо нет под небом столь знатного человека, столь тороватого и отважного смолоду, вдеде столь доблестного, государем столь обласканного, чтобы он никогда не думал о дальней морской дороге»).

Восхваляя смелость своего героя, автор «Беовульфа» неоднократно акцентирует на этом внимание. Для этого используются прилагательные **dædcēne** и **hildedēor**, обозначающие храбрый в подвигах и храбрый в битвах соответственно: **Ðā cōm in gān ealdor ðegna, dædcēne mon dōme ġewurpad hæle hildedēor, Hrōðgār grētan** (строки.1647-1649: «Там шагал и владыка воинов, храбрый в подвигах муж, славу добывший, воин, смелый в битвах, Хродгара поприветствовать»).

Для эпического сказания необходима внушительная визуализация своего героя, т.е. он должен обладать физическим превосходством над другими персонажами поэм. Например, демонстрацию такой особенности можно найти в тексте поэмы «Беовульф». Так, увидев впервые Беовульфа, датский стражник эмоционально подмечает привлекательную – **ǣnlic** наружность – **ansyn** героя («по выправке»): **Nǣfre ic māran geseah eorla ofer eorþan ðonne is ēower sum, secg on searwum· nis þæt seldguma waēpnum geweorðad nǣfne him his wlite lēoge, ǣnlic ansyn!** (строки 247-251: «И я ни в жизни не видел витязя сильней и выше, чем ваш соратник – не простолюдин в нарядной сбруе – кровь благородная видна по выправке»).

Фрейм 2. Герой целеустремлённый

Вся жизнь эпического героя – это поле вечной битвы; он не может вести мирную, размеренную жизнь – он не создан для этого. Его удел – свершение подвигов **dæd**, которые являются смыслом его жизни и основным предназначением.

«Беовульфе» эпический герой совершает три подвига – убивает Гренделя, его мать и дракона. Этими деяниями Беовульф не только освобождает народ от гнёта чудовищ, но и делает своё имя прославленным.

Слава – **mærð, dōm, tīr** для героя является той монетой, которой он хочет быть вознаграждённым за свои ратные труды: **Swā bealdode bearn Ecgðēowes, guma gūðum cūð, gōdum dædum, drēah æfter dōme** (строки 2177-2179: «Таков был сын Эгтеова, человек, знакомый битвам, славные подвиги свершавший славы ради»).

Философия «жизнь ради подвига – «подвиг ради славы» отображена и в поэме «Морестранник». Последнее слово – **lastword (lāst + word)**, хвала – **lof**, храбрые подвиги – **deorum dædum**, вечный – **ēce**: **Forþon biþ eorla gehwam æftercweþendra lof lifgendra lastworda betst, þæt he gewyrce, ær he on weg scyle, fremum on foldan wið feonda niþ, deorum dædum deofle togeanes, þæt hine ælda bearn æfter hergen, ond his lof sibþan lifge mid englum awa to ealdre, ecan lifes blæd, dream mid dugeþum («Морестранник», строки 72-80: «Пускай же каждый взыскует посмертной, лучше славы – хвалы живущих, какую при жизни заслужить он может победной битвой с недругом злобесным, подвигом в споре преисподним дьяволом, чтобы потомки о том помнили и слава отныне жила бы в ангелах о нем бессмертная, среди несметной дружины блаженных»).**

Слава имела настолько весомое значение в англосаксонском обществе, что потребовала своего лексического запаса в языке. Так, например, существовала лексема **dōmgeorn** – стремящийся к славе, не находящая эквивалента в современном английском языке: **Ne mæg wērig mōd wyrde wiðstandan, ne se hrēo hyge helpe gefremman; for ðon dōmgeorne drēorigne oft in hyra brēostcofa bindað fæste** («Странник», строки 15-18: «не оборешь судьбы, ослабевшим духом, от ума изнемогшего малая подмога, и молчат, запечатав печали в сердце, скорби своей не скажут взыскующие славы»).

Фрейм 3. Герой погибший

Тема смерти очень важна для героической поэзии. У древних германцев герой, погибающий в битве, почитался больше, чем тот, кто остался жив. Трагический финал прибавляет интерес к любой истории, но в

рамках англосаксонского эпоса смерть героя – **dēað** имеет куда больший смысл. Здесь речь идёт о воинской чести: хорошему воину не подобает страшиться смерти; он должен с радостью встретить её в любой момент. К тому же, согласно древнегерманским мировоззрениям, мужчине позорно умереть в своей постели – он должен погибнуть в бою. Так и сам Беовульф; он прожил долгую жизнь, но, решившись на битву с драконом, понимал, что этот подвиг станет его концом - **ende: Sceolde lændaga æþeling ærgōd ende gēbīdan, worulde lifes, ond se wyrm somod** (строки 2341-2343: «вождь был должен дни этой жизни в битве окончить, убив чудовище, издревле хранившее клад курганный!»).

Получив раны от схватки с огнедышащим змеем, Беовульф не стал бороться за свою жизнь; он ощущал на себе дыхание смерти: **Bīowulf mæpelode: hē ofer benne spræc wunde wælblēate; wisse hē gearwe þæt hē dæghwīla gedrogen hæfde eorðan wynne; ðā wæs eall sceacen dōgorgerīmes, dēað ungemete nēah** (строки 2724-2728: Промолвил Беовульф, преодолевающий смертную муку, ему осталось, он чувал, мало земного счастья; силы иссякли; пришли к пределу дни его жизни, и смерть приблизилась»).

Гибель героя описывается такими наречиями, как, например, легко – **sōfte**, что демонстрирует готовность героя к смерти: **þæt ic ðy sēft mæge æfter mādðumwelan mīn ālætān lif ond lēodscipe þone ic longe hēold** (строки 2749-2751: «возлягу рядом и без печали жизнь покину власть земную»).

В данных отрывках философия смерти англосаксов отражена с помощью употребления таких языковых средств, как претерито-презентные глаголы **sculan** (долженствовать) и **мазан** (мочь) с оттенками модальности.

Для эпического героя жизнь не представляет такой большой ценности, как для обычного обывателя: в раннеэпических произведениях смерть нередко олицетворяет отказ от исполнения долга. Например, герои «Битвы при Мэлдоне» готовы расстаться с жизнью – **lif forlætān** (жизнь покинуть), если же месть их не будет исполнена: **hi woldon þa ealle oðer twega, lif**

forlætan oððe leofne gewrecan (строки 207-208: «хотели выбрать из двух единое: смерть на месте или мечь за любимого»).

Общая концепция жизни и смерти и отношения к этим категориям героического мира хорошо отображены в «Морестраннике». Автор поэмы использует оксюморон мёртвая жизнь – **deade lif** что бы подчеркнуть пренебрежение к жизни: **Forþon me hatran sind Dryhtnes dreamas þonne þis deade lif læne on londe.** (строки 64-67: «ведь только господним я дорожу блаженством, а не жизнью мертвой, здесь преходящей»).

3.7 Анализ концепта «Путь»

Путь – это (в первичном смысле) пространство, которое проходят или проезжают; дорога. В более широком значении – это также само путешествие, поездка, передвижение в пространстве, а также направление движения, маршрут.

Среди древнеанглийских поэтических наименований пути наиболее многозначным и насыщенным коннотациями является слово **sip/sið**. Контекстуальный анализ данного слова, его производных и синонимов позволяет выявить разнообразные аспекты концепта «путь» и особенности его осмысления в основных жанрах поэтического творчества англосаксов – героическом эпосе, лирике и библейской парафразе.

Так, например, повествование в «Беовульфе» сосредоточено на трех путешествиях заглавного героя и трех его схватках с чудовищами, из которых он выходит победителем, хотя и гибнет в конце концов. Тема пути пронизывает собой все повествование, получая нередко переносный смысл.

Фрейм 1. Путь далёкий

Наиболее «специальным» в «Беовульфе» является слово **weg**, сопряженное с идеей расстояния, особенно удаления. Его сочетаемость – почти исключительно с глаголами движения и в устойчивом обороте с предлогом (**on weg – away**) – ограничивает круг его употребления мотивом

бегства. Сравни упоминание поражения Гренделя, которому не оставалось ничего другого, как прочь бежать оттуда в болото топкое **ond on weg þanon fleon on fenhopu and** away thence flee to his secret places in the fen (строки 763b-764). И далее: **hu he werigmod on weg þanon... feorhlastas bæ**r how he weary away thence... left behind life-trails (строки 844-846: как он, усталый духом, прочь оттуда... остатки жизни нес); **he on weg losade** he escaped away (строка 2096). А также бегство морских чудищ при звуке горна: **Hie on weg hruron bitere ond gebolgne** they rushed away bitter and swollen with rage (строки 1430-1431).

Удаление также может метафорически осмысляться как уход из жизни, смерть: **Gebad wintra worn ær he on weg hwurfe, gamol of gearдум** who saw many winters ere he passed away (строки 264-265); **þa he of ealdre gewat, frod on forðweg** he went from life wise, on the way forth (строка 2624).

В словах, образованных от **weg**, этот компонент может служить для обозначения дальних земель, подчеркивая эпические масштабы происходящего. Описание грандиозных похорон Скильда включает упоминание сокровищ, привезенных со всех концов света **of feorwegum** (с дальних путей, строка 37). На пир в честь победы Беовульфа сходились вожди, из далека и близка, по широким путям **ferdon folctogan feorran ond nean geond widwegas** folk-chiefs arrived from far and near across wide regions (строки 839-840). В строках 1703-1705 Хродгар говорит о славе Беовульфа, что воздвиглась на широких просторах среди всех племён: **Blæd is aræred geond widwegas, wine min Beowulf, ðin ofer þeoda gehwylce** the fame is established throughout the distant regions, Beowulf my friend, over each of the nations, of you.

Фрейм 2. Путь знакомый

Здесь путь – это символ освоенного, обжитого пространства, в котором эпические герои чувствуют себя комфортно, в безопасности. Мотив знакомого пути неоднократно сопровождает мотив победы над чудовищами, иногда в сочетании с формульным выражением «мерить

путь», как в описании возвращения Беовульфа с дружиной после подводной битвы: **Ferdon forð þonon fepelastum, ferhpum fægne, foldweg mæton, cuþe stræte** they fared forth thence along foot-paths happy in their hearts traversed the trail over the earth, the familiar streets (строки 1632-1634: вперед устремились пешим ходом, с душою легкою дорогу мерили, тропы знакомые). В последнем примере **foldweg** выступает в эпической вариации со своим синонимом **stræt** (лат. *via strata* «мощеная дорога»). Данная лексема также появляется при описании дороги, ведущей к дворцу Хеорот, который служит в поэме центром повествования: **Stræt wæs stanfah, stig wisode gumum ætgædere** The street was paved with stones, the path guided the men together (320-321: Дорога была камнями изукрашена, мужам проложен путь).

Слово **weg** также ассоциируется с освоенным и знакомым пространством. Например, путь к логову Гренделя описывается в положительном ключе в поэме дважды. Первый раз – в связи с ликованием данов, которые идут по следам Гренделя, чтобы убедиться в гибели чудовища. Второй раз – при его возвращении оттуда с победой. Соответственно, в обоих эпизодах дороги туда характеризуются как ровные и знакомые, их легко «измерить», то есть преодолеть **ðær him foldwegas fægere þuhton, cystum cuðe** where to them the earth-roads seemed suitable and known to be the best (строки 864-867). Во втором случае (строки 1632-1634) – путь оценивается как легкий и привычный: **fêrdon forð þonon fêpelástum ferhpum fægne foldweg maéton cúþe straéte** they fared forth thence along foot-paths happy in their hearts, traversed the trail over the earth, the familiar streets.

Сочетание **foldweg** «путь по земле» получает в контексте оценочные характеристики: **ðaér him foldwegas fægere þuhton** where to them the earth-roads seemed suitable (строка 866: им дороги казались ровными, давно проторенными).

Фрейм 3. Путь связующий

Случаи употребления лексемы **lad**, в том числе в составе составных слов, свидетельствуют о том, что в её значении преобладает аспект перемещения в пространстве. Так, Беовульф сражает морских чудовищ, чтобы те «путь мореплавателям не преграждали» – **brimliðende lade ne letton** sea-travellers' way did not hinder (строки 568-569). Дружина гётов, преодолев пролив, радуется благополучному завершению плавания: **Gode þancedon, þæs þe him yblade eaðe wurdon** they thanked God that for them the wave-paths had been smooth (строки 227-228: Бога возблагодарили, что морские пути для них легкими оказались). Хродгар одаривает «всех, кто с Беовульфом свершил морской путь», то есть попросту приплыл в Данию (**þara þe mid Beowulfe brimlade teah**, 1051).

Особенно наглядно проявляется аспект движения в соответствующих лексемах в Финнсбургском эпизоде «Беовульфа», повествующем о том, как гости-даны отплатили хозяевам-фризам за вероломное нападение. Вождь данов Хенгест «о мести жестокой более думал, чем о морском пути» (то есть возвращении домой) – **he to gyrnwraece swiðor þohte þonne to sælade** he of vengeance for grief sooner thought than of sea-path, строки 1138-1139. После убийства вождя фризов его датская супруга была увезена домой: **Hie on sælade drihtlice wif to Denum feredon, læddon to leodum** they on the sea-path the noble lady ferried to the Danes (1157-1159: Они морским путем жену благородную к данам отправили, вернули сородичам).

Страж, допуская Беовульфа с дружиной в датские пределы, желает им остаться **siða gesunde**, что буквально означает «в отношении путей крепкими»: **Fæder alwalda mid arstafum eowic gehealde siða gesunde!** The Father all-ruling, with grace may He hold you sound on your sojourns (строки 316-318: «Да поддержит вас благими знаменьями Отец-Владыка, в пути укрепит!»). Ясно, однако, что это не только пожелание остаться целыми и невредимыми: узнав о цели их путешествия, он призывает на них удачу в битве.

Однако, смысл «движение» выступает в сопряжении с другими аспектами пути и может отходить на задний план или исчезать вовсе. Так, упомянутое победоносное шествие (строки 1965-1967) вторично обозначается тем же словом в донесении правителю гётов: **Higelace wæs sið Beowulfes snude gecyðed** (Хигелака тотчас известили о прибытии Беовульфа). Задавая далее вопрос о том, «каковы были пути геатов-мореходов» в 1986 строке: **hwylce Sæ-Geata siðas wæron** whatever the Sea-Geats' adventures were, Хигелак хочет узнать, разумеется, не обстоятельства морского плавания, но исход сражения Беовульфа с чудовищами.

Фрейм 4. Путь опасный

Осмысление путешествия как «рискованного занятия» обнаруживается в сочетании **sorhful/geocor sið** – скорбный/ пагубный путь. Так, Унферт говорит о состязании Беовульфа с Брекой: **Ne inc ænig mon, ne leof ne lað, belean mihte sorhfullne sið, þa git on sund reon** You no man, neither friend nor foe, could dissuade from that sorrowful jaunt, when you rowed into the strait (строки 510-512 «Никто – ни друг, ни враг – не смог отговорить вас от опасной затеи, когда вы отправились в плавание»). Данное сочетание может служить перифразой фатального исхода: **Þæt wæs geocor sið þæt se hearmscaþa to Heorute ateah** That was a bitter journey he that the harm-warrior had taken to Heorot (строки 765-766 «Злосчастливым был путь, что свершил в Хеорот злокрушитель») – эта фраза завершает период, описывающий поражение Гренделя. А тот же эпитет применительно к путешествию в Хеорот матери Гренделя грозит гибелью обитателям дворца: **Ond his modor þa gyt gifre ond galgmod gegan wolde sorhfulne sið, sunu deoð wrecan** And his mother even now, greedy and gloomy-hearted wished to go forth, a sorrowful journey (строки 1276-1278: «И вот его мать, угрюмая и прожорливая, пустилась в ужасный путь, мстя за смерть сына»). Устойчивые ассоциации указанной фразы со смертью делают понятным ее употребление без расшифровки в контексте: **ða on undernmæl oft bewitigað sorhfulne sið on segrlade** they in mid-morning often carry out grievous sorties on the sail-road

(строки 1427-1429: «Те, что поутру несчастных путь стерегут по парусным тропам»). В последнем примере речь идет о смертельной участи тех, кого подстерегают в пути морские чудовища.

«Путь» как судьба и доля, которая проистекает из обычая, повадок и поведения (а в конечном итоге, смертная участь) – этот смысл особенно ярко проявляется в конце поэмы, вместе с нарастанием ее элегического настроения и мотива «бренности мира сего». В одних примерах он совмещен со значением «путешествие», в других полностью подавляет его: **Nealles swæslice sið alyfed inn under eorðweall** not at all sweetly was the errand allowed inside the earthwall (строки 3089-3090: «Не из приятных путь мне достался в том подземелье», – говорит о себе Виглаф по возвращении из кургана Дракона). Еще более тяжкий путь – исход души в мир иной – уготован для Беовульфа: **Ne wæs þæt eðe sið, þæt se mæra maga Ecgðeowes grundwong þone ofgyfan wolde; sceolde ofer willan wie eardian elles hwergen, swa sceal æghwylc mon alætan lændagas** (строки 2586-2591) «Несчастливая участь – славному сыну Эггтеова землю покинуть и против воли поселиться в иных обиталищах. Всем суждено оставить дни бесполезные».

Фрейм 5. Путь к познанию мира

Путь становится одной из центральных тем элегий, и слово **siþ/sið** входит в ней как ключевое в разных своих значениях. Концепт пути претерпевает в лирике трансформацию: одни аспекты сменяются другими вследствие изменения описываемой ситуации (подвиг – страданием, смелость – мудростью, извне полагаемая участь – выбором жизненного пути). Акцент в дидактических концовках лирических поэм делается на индивидуальном выборе, который совершает каждый человек на земле, что наделяет концепт «путь» в элегиях личностным характером и духовным смыслом.

Так в «Морестраннике» главный герой, обретая во время вынужденного путешествия желанную цель – **elþeodigra eard** «землю

чужую» (строка 38). Он не просто сожалеет о прошлом, но мужественно ищет ему замену в настоящем: лебединая песнь сменилась криками олуши, вместо звуков весёлого застолья теперь голоса чаек **dyde ic me to gomene, ganotes hleoþor ond huilpan sweg fore hleahtor wera, mæw singende fore medodrince** I took to myself as pleasure, the gannet's noise and the voice of the curlew instead of the laughter of men, the singing gull instead of the drinking of mead (строки 19-22).

Противопоставляя себя, несчастного морехода, некоему счастливому обитателю суши: **Forþon him gelyfeð lyt, se þe ah lifes wyn gebiden in burgum** Indeed he credits it little, the one who has the joys of life, dwells in the city (строки 27-29). Герой отвергает собственное прошлое: блага героического мира – ничто в сравнении с мореплаванием: **Ne biþ him to hearpan hyge ne to hringþege ne to wife wyn ne to worulde hyht ne ymbe owiht elles nefne ymb yða gewealc; ac a hafað longunge se þe on lagu fundað.** Not for him is the sound of the harp, nor the giving of rings, nor pleasure in woman, nor worldly glory, nor anything at all; unless the tossing of waves; but he always has a longing, he who strives on the waves (39-47). В описании пути на первый план выступает образ человеческой души, преодолевающей «запоры сердца» (**hreþerlocan**, 58) и устремляющейся за море, к **eorþan sceatas** «земным пределам» (61).

В «Скитальце» ярче выражена тема непреложности судьбы. Море здесь – всего лишь символ скорбей и непостоянства, господствующих по всей земле. Единственный выход для Скитальца – забытья в грезах о пиршественном прошлом. Милость, которой он ожидает в земном странствии **Oft him anhaga are gebideð, metudes miltse** Often the solitary one finds grace for himself the mercy of the Lord (со строки 1), обретается у Отца Небесного **frofre to Fæder on heofonum** consolation from the father in the heavens (114-115). Плавание «ледяному морю» ведет в изгнание: **hreran mid hondum hrimcealde sæ wadan wræclastas** along the waterways, rowing with hand along the ice-cold sea, tread the paths of exile (строки 4-5). Тщетными

кажутся не только все земные блага, но и сама попытка вырваться из их плена; земной мир герой находит хаотичным и полным тесно связанным между собой событиями, влияющими друг на друга: **Eall is earfoðlic eorþan rice, onwendeð wyrda gesceaft weoruld under heofonum.** All is troublesome in this earthly kingdom, the turn of events changes the world under the heavens. (106-110). Герой-мудрец, чей идеал терпение **Wita sceal geþyldig** A wise man must be patient (65), не предпринимает к изменениям этому никаких шагов, считая, что все уже предрешиено.

В «Морестраннике», всматриваясь в «мутные потоки» (**fealwe weg**as, «бледно-желтые пути», строка 46), герой как будто замечает своих прежних товарищей, которые, однако, тотчас «уплывают прочь» (**swimmað eft on weg**, строка 53).

Здесь же просматривается ярко выраженный личностный компонент анализируемого концепта. Путь – это испытание и опыт, уничтожение ведет героя к самопознанию: **Forþon cnyssað nu heortan geþohtas, þæt ic hean streamas, sealtyþa gelac sylf cunnige** (строки 33-35: Ибо понуждают меня помыслы сердца, чтобы я, несчастный, стремнину, волн соленых мятеж сам бы познал»). Рассказ «о себе самом» подразумевает самостоятельный выбор жизненного пути. Рассказчик прямо призывает своего слушателя к тому, «дабы с пользой он потрудился, прежде чем в путь отправится, против злобы вражией, делами достойными против диавола, чтобы люди его после хвалили и чтоб его слава жила меж ангелов во веки веков, вечной жизни блаженство, радость среди верных» (**þæt he gewyrce ær he on weg scyle, fremum on foldan wið feonda nið, deorum dædum deofle togeanes, þæt hine ælda beam æfter hergen, ond his lof siþþan lifge mid englum awa to ealdre, ecan lifes blæd, dream mid dugeþum** строки 74-80).

Двойной смысл концепта пути – как морского путешествия и как познания истины – отмечен в тексте синонимическим и формульным варьированием. Путешествие по «морским дорогам» (**in brimlade** строка 30, **on flodwegas**, строка 52) делает героя причастным любому из тех

«разрушительных путей» (**bealosipa hwon**, строка 28), которые составляют земную участь человека. Желание вступить в единоборство со стихией дает стимул к физическому перемещению (**ferhð to feran**, строка 37), а мирское процветание не позволяет успокаиваться, зовет «душу в путь» (**sefan to siðe**, строка 51), который выводит ее за пределы мироздания.

Путь Скитальца и Морестранника – это аллегория обретения истины. Не случайно концовки поэм, весьма близкие по смыслу, различаются оттенками: **Wel bið þam þe him are seceð, frofre to fæder on heofonum, þær us seo fæstnung stondeð** («Скиталец», 114-115: Благо тому, кто себе благодати ищет, утешения у Отца на небесах, где убежище нам уготовано) и **Eadig bið se þe eapmod leofaþ, cymeð him seo ar of heofonum** («Морестранник», 107: Блажен тот, кто смиренно живет, нисходит к нему благодать с небес). Скиталец знает, где находится истина, а Морестранник находит ее – точнее, она сама идет ему навстречу, отвечая на призыв. «Морестранник» дает яркое свидетельство личностного осмысления концепта пути.

Фрейм 6. Путь к Богу

Иначе обстоит дело в поэме «Исход», посвященной бегству Израиля от Фараона. В путешествии израильтян на первый план выходят не материальные детали, но его предопределенность свыше: **para æghwæðer efngeðælde heahþegnunga Haliges Gastes, deormodra sið dagum and nihtum**" (строки 95-97: и тот, и другой (огненный и облачный столп) равно сопровождал, в высоком служении Духу Святому, путь отважных и ночью, и днем). В «Исходе», в отличие от элегий, это всегда «путь» коллективный: истинным героем поэмы выступает весь народ израильский как прообраз народа христианского.

В религиозном эпосе концепт пути сохраняет все свои аспекты, свойственные эпосу героическому: путь – это путешествие отважных героев ради совершения подвига во исполнение веления высшей силы. Однако, как

и в элегиях, эти аспекты трансформируются в концептуальном плане и переосмысливаются в плане духовном.

В описание перехода Красного моря древнеанглийский поэт включает краткое изложение всей предыдущей истории израильского народа, подчеркивая, что чудо есть результат знания Закона Божия: **on forðwegas, fole æfter wolenum... Cuðe æghwile mægburga riht** (строки 350-352: шел народ вперед, вослед за небесами... каждый из сородичей ведал закон предков). Тема активного выбора индивидом своего жизненного пути, столь заметная в элегиях, отходит в религиозном эпосе на задний план. На переднем плане оказывается в «Исходе» пассивное приятие личностью извне дарованной истины.

В значении «судьба-участь» **sip / sið** сохраняет мечты героико-эпического мироощущения. Для древнеанглийского автора библейской парафразы трагический конец египтян заключался не столько в их гибели, сколько в том, что некому было рассказать об их «пути-участи»: **forðam þæs heriges ham eft ne com... ealles ungrundes ænig to lafe..., þætte sið heora secgan moste** (строки 508-515: из похода никто домой не вернулся, из бездонных глубин ни один не спасся, кто об их пути поведать бы мог). Концепт «путь» ассоциируется в «Исходе» с Божественным предопределением. Путь израильтян получает аллегорический смысл – это движение народа богоизбранного от рабства (фараона, дьявола) к Богу.

В библейском тексте Ангел Божий отделяет египетский лагерь от израильского посредством облака, что трактуется в древнеанглийской поэме как «разделение пути» израильтян и египтян – **sið wæs gedæled** (строка 207) «путь был разделен». Окончательно разделились не только земные судьбы двух народов, но и их отношения с Богом: далее египтяне представлены как «богоборцы» (**Hie wið God wunnon!** – строка 515: Они против Бога воевали!). Поэт вводит отсутствующий в данном эпизоде библейского текста образ пути ради усиления аллегорического смысла путешествия к Красному морю.

Таким образом, личностное осмысление «пути», ярко выраженное в элегиях, не исчезает в религиозном эпосе полностью, но лишь временно отходит на второй план в связи со спецификой ветхозаветного сюжета, который акцентирует более судьбу социума, чем судьбу индивида.

3.8 Разработка упражнений для урока внеклассного чтения

Материалы и результаты данной исследовательской работы могут обрести применение на занятиях по английскому языку, а именно – как составляющая формирования межкультурной и страноведческой компетенции страноведение для расширения кругозора учащихся, направленное на знакомство с историей английского языка и литературы.

3.8.1 Чтение как когнитивный процесс

Прежде мы перейдём к непосредственно практической составляющей данной части исследования, необходимо рассмотреть чтение как когнитивный процесс. Важно определить, на каком этапе работы с текстом понимание прочитанного становится основным когнитивным процессом. Для этого нам представляется целесообразным обратиться к таксономии Блума.

В 1956 году Бенджамином Блумом была создана таксономия образовательных целей, определившая шесть уровней мышления. Когнитивные процессы описаны иерархически, от простого (припоминания знаний), до наиболее сложного, состоящего в формулировании суждений о ценности и значимости идеи (таксономия представлена в таблице 1).

Таблица 1 – Таксономия когнитивных процессов Б. Блума

Когнитивный процесс	Действия	Умения смысловой обработки текста
Знание	Припоминание информации	Определять, называть, описывать, узнавать, воспроизводить, маркировать, следовать

Понимание	Понимать смысл, интерпретировать главную мысль	Обобщать, защищать, преобразовывать, интерпретировать, давать примеры, перефразировать.
Применение	В новой ситуации использовать концепцию или информацию	Выстраивать, конструировать, воздавать, предсказывать, моделировать, готовить
Анализ	Для лучшего понимания разделять информацию на части	Противопоставить/сравнить, выделить, разбить, разграничить, отобрать.
Синтез	Соединить идеи для создания чего-то нового	Реконструировать, группировать, обобщать.
Оценка	Делать суждения относительно ценности	Судить, оценивать, критиковать, оспаривать, оправдывать, поддерживать.

Данный системный подход позволяет определить текст как методическую систему, которая в свою очередь имеет цель и содержание, формирующие основу для применения в обучении чтению.

Разработка комплекса заданий должна обеспечивать формирование умений смысловой обработки текста на трех этапах работы с ним:

- 1) мотивационном (предтекстовым);
- 2) аналитико-синтетическом (текстовым);
- 3) коррекционно-оценочном (послетекстовом).

На первом (предтекстовом) этапе учитель облегчает ученикам процесс понимания, снимая лексические и грамматические трудности, имеющие решающее значение для понимания текста. Так же учитель может показать ученикам приемы работы с аутентичным текстом. На данном этапе ставится цель деятельности, определяется вид чтения и режим работы учащихся. Преобладающим видом чтения является просмотровое чтение, направленное на определение основной темы текста, по заголовку или иным значимым частям. Основной когнитивной операцией является знание.

На данном этапе работы с текстом формируются следующих умения смысловой обработки текста:

1. Умение выбирать варианты и способы решения проблемы, выдвигать гипотезы, предвидеть результат;
2. Умение выявлять главную проблему;

3. Умение понимать общий смысл целого текста.

Второй этап (текстовый) включает в себя чтение текста для достижения поставленной на первом этапе цели и удовлетворении потребности в информации. Основным видом чтения на данном этапе является изучающее чтение или, если работа с текстом подразумевает 2 прочтения текста ознакомительным. Понимание выступает объектом контроля чтения, являясь результатом деятельности. Задания должны быть озвучены до прочтения текста на мотивационном этапе. На данном этапе учащиеся выполняют поставленные перед ними задачи. Основными когнитивными операциями данного этапа являются: 1) анализ; 2) синтез; 3) понимание.

На данном этапе развиваются следующие умения смысловой обработки текста:

1. Умение обнаруживать в тексте необходимую информацию, сообразно целям своей деятельности.
2. Умение понимать общий смысл целого текста.
3. Умение разделять текст на структурные элементы;
4. Умение анализировать существующие и планировать будущие результаты;

Третий этап (послетекстовый) может включать в себя повторное чтение текста, которое будет являться поисковым чтением. Оно направлено на понимание деталей и скрытой информации. Основными приемами работы на данном этапе являются чтение с комментарием, беседа на основе прочитанного и др. Так же на данном этапе содержание текста используется для выражения школьниками своих мыслей по указанным проблемам, происходит воспроизведение материала текста, с опорой на ключевые слова, понятия, суждения. Понимание, выступавшее целью деятельности на предыдущих этапах, становится основным условием успешного достижения поставленной цели. Так же при условии успешной репродукции текста учащиеся осуществляют продуктивную деятельность высказывая

собственное мнение в контексте поднятых темой текста проблем. На данном этапе могут использоваться упражнения трех типов.

Первый тип связан с выделением ключевых слов в тексте, разделением его на смысловые вехи, составлением плана к его частям. Второй тип связан с воспроизведением его содержания с опорой на выделенный материал. Третий тип позволяет использовать полученную информацию в ситуациях, моделирующих общение носителей иностранного языка, а также в ситуациях естественного общения, в которых ученик выступает от своего лица.

3.8.3 Разработка комплекса упражнений для урока внеклассного чтения

В рамках методического компонента настоящего исследования мы хотели бы предложить упражнения, направленные на развитие навыков чтения обучающихся старшей школы (в совокупности с формированием страноведческой компетенции). Сделать это предполагается посредством введения факультативных занятий, посвященных внеклассному чтению английской литературы и знакомству с культурой и историей Великобритании. В качестве основного материала выступает адаптированный текст древнеанглийской эпической поэмы «Беовульф». С самим комплексом упражнений можно ознакомиться, перейдя в Приложение 2 данной работы.

Цели и задачи урока внеклассного чтения по древнеанглийской поэме «Беовульф»:

1. Научить правильному подходу к работе с текстом;
2. Повысить уровень лингвострановедческих знаний учащихся, кратко ознакомив их с такими понятиями как «древнеанглийский язык», «англосаксы», «конунг» и так др.;

3. Познакомить учащихся с легендой о Беовульфе, выявить отличительные особенности героя в древнеанглийской литературе;

4. Проанализировать образ главного персонажа и его врага-чудовища в поэме «Беовульф».

Урок внеклассного чтения разделен на три стадии: вводная, основная и завершающая.

1. Предтекстовый этап

На данном этапе следует познакомить учеников с выбранной книгой. Обычно начинать нужно с названия и автора, однако в нашем случае поэма «Беовульф» не имеет автора, но об этом стоит упомянуть. Рассмотреть книгу, ее обложку (при наличии), иллюстрации с героями, которые присутствуют в раздаточном.

Урок начинается с небольшой вступительной речи, в которой необходимо объяснить ученикам, с какой именно историей им предстоит познакомиться.

Перед этим нужно кратко прокомментировать слова и фразы, относящиеся к историческому и социокультурному контексту. Сделать это можно, выведя слова и фразы на экран в виде презентации; комментарий перед вступительной речью может быть как на английском языке, так и на русском, в зависимости от уровня учеников. Это поможет подготовить учащихся к дальнейшей работе.

После комментария вывести на экран карту, с которой будет предложено ознакомиться в конце речи.

2. Текстовый этап

Далее учащимся предстоит самостоятельно прочитать историю. Абзацы текста пронумерованы: это необходимо для реализации одного из заданий на этапе последующей работы с историей.

Также ученикам нужно будет самостоятельно ознакомиться с комментарием, представленным после текста. В нем содержится

информация о героях рассказа и даны определения специфической лексики, с пониманием которой могут возникнуть затруднения.

Затем мы даем обучающимся выполнить задания по содержанию текста: 1) Соотнести заголовки и пронумерованные абзацы; 2) Пометить высказывания как «Правда / Неправда / Информация отсутствует» и исправить неверные утверждения; 3) Расставить события в правильном порядке.

3. Послетекстовый этап

Убедившись, что все дети ознакомились с текстом и ориентируются в нём, необходимо подвести итоги работы.

Для этого можно попросить учеников поработать в парах и выполнить следующие задания: 1) Пересказать текст друг друга, ориентируясь по иллюстрациям, предварительно расставив их по порядку. Для этого необходимо разрезать иллюстрации и предоставить по комплекту картинок на пару; 2) Составить диалог на тему «Что я думаю о прочитанной истории».

И третье задание включает в себя работу учителя со всем классом. Преподаватель задает вопрос: «Какими качествами обладает настоящий герой на примере Беовульфа?» Ученики высказывают свои идеи, преподаватель записывает их на доску.

Дальше преподаватель напоминает детям, что язык оригинальной истории – древнеанглийский, и он сильно отличается от современного английского, на котором говорим мы. И тогда детям показываются на слайде (или в виде крупных распечаток) несколько слов на древнеанглийском языке, которые являются прилагательными, описывающими качества героя (в нашем случае Беовульфа). Затем учитель просит найти на доске, где записаны идеи детей, слова на современном английском, которые соотносятся с древнеанглийскими прилагательными. Разумеется, нужно убедиться, что все слова из этого списка присутствуют на доске – если эти качества не названы учениками, то стоит их просто незаметно дописать, пока дети будут делиться своими идеями.

И в качестве завершающего задания мы предлагаем детям попробовать составить предложения на древнеанглийском, дав базовый шаблон предложения с «I am», проведя аналогию с именем Беовульфа, которое дословно означает «Я – волк».

Данное задание направлено на то, чтобы показать ученикам, что язык – это система, которая не стоит на месте, а развивается, меняется, и язык, на котором говорят люди сейчас, может сильно отличаться от того, на котором говорили носители сотни лет назад.

В качестве домашнего задания можно предложить детям творческие проекты. Дополнительные творческие задания помогают ребенку понять свое отношение к произведению, развить образное мышление и пробудить любовь к книгам.

– Сочинение или отзыв. Это самая классическая форма выражения мнения. Дети могут выразить своё мнение по прочитанному, либо почувствовать себя советчиками и решить, стоит ли другим читать эту книгу. С подростками можно придумывать комментарии, как к постам в интернете. Затем еще оформить из комментариев постер и повесить его в классе.

– Рисунок. Он может сопровождать как предыдущий пункт, так и быть самостоятельной работой. Также можно попросить учеников нарисовать серию иллюстраций с короткими подписями.

– Пересказ истории от лица персонажа. Это задание может быть очень интересным, так как в история рассказана от лица рассказчика, но в ней есть яркие персонажи. Задание позволит посмотреть на историю под другим углом, развить фантазию, домыслив некоторые сцены.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Осмысление концептов в древнеанглийской поэзии позволяет понять установки, которыми руководствовался раннесредневековый поэт в эпоху перехода от язычества к христианству. Эти установки тесно связаны с «прагматической обработкой» исходного текста в двух разных направлениях: «культурной адаптации» (то есть приспособлению к ментальности и вкусам аудитории, мало затронутой влиянием латинской книжности) и «христианизации» (интерпретации в плане изложения основ христианского вероучения). Следует признать, что англосаксонским поэтам удалось сочетать эти задачи без какого-либо ущерба для эстетических и нравственных запросов аудитории.

В нашем исследовании мы попытались реконструировать фрагменты англосаксонской картины мира на примере древнеанглийской поэзии.

На основе проанализированного материала можно сделать следующие выводы касательно материалов и результатов исследования:

1. Борьба за победу на поле боя, за славу и драгоценности, верность своему господину, кровная месть, порой трагическая зависимость человека от судьбы и нередко гибель героя являются основными темами и сюжетами древнеанглийских поэтических произведений.

2. В центре англосаксонской героической картины мира лежит либо семейная распря, которая является источником войны, либо потусторонний враг, угрожающий спокойной жизни древних германцев.

3. Героическая концептосфера в древнеанглийской поэзии представляет собой совокупность концептов «Воин», «Конунг», «Враг», «Военное снаряжение», «Герой», «Путь».

4. Как показало исследование, концепт «Враг» является самым многочисленным из всех описанных элементов концептосферы. Атрибутивная сочетаемость репрезентантов с прилагательными дает

представление о качествах, которые приписывались врагу древними германцами.

5. Сложные слова и кеннинги, которые выделялись, в основном, из буквального прочтения компонентов сложных слов и словосочетаний, дают дополнительные представления о том, как отражалась героическая концептосфера в сознании англосаксов.

6. Англосаксонская картина мира представляет собой сложное образование, в котором пересекаются мифологическая картина мира и сменяющая ее христианская картина мира.

7. На основе результатов исследования предложен комплекс упражнений, предназначенный для обучающихся старших классов и направленный на расширение словарного запаса школьников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язык отражает концептуальную информацию и выявляет то, как мир концептуализируется сознанием человека. Именно язык обеспечивает доступ к концептам и дает возможность их реконструировать. Исследование древних языков не позволяет обратиться к интуиции носителей языка, вследствие чего языковые данные оказываются единственным источником информации о древней картине мира.

Настоящее исследование ставило целью изучить фрагменты героической концептосферы как составляющие картины мира в древнеанглийской поэтической литературе. Поставленная цель достигнута путем решения ряда задач, направленных на освещение различных сторон концептов, входящих в состав концептосферы, их смыслового потенциала.

В первую очередь мы рассмотрели основные трактовки концепта, что позволило нам сделать вывод, что концепт как ментальное образование в сознании индивида связан с концептосферой социума, т.е. в конечном счете, с культурой, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Чаще всего в языке концепт выражается словом, представляющим содержание концепта наиболее полно и адекватно.

Через призму концептов мы познаем национальную картину мира, так как концепты — это ментальные сущности.

Комплексный подход к изучению языковых единиц, в основе которого лежит метод концептуального анализа, и включающий в себя контекстуальный анализ и анализ словарных дефиниций представляется оптимальным, так как позволяет с большой степенью точности реконструировать фрагменты архаической картины мира.

В результате исследования выявлено, что героическая концептосфера представляет собой совокупность концептов «Воин», «Военное снаряжение», «Враг», «Конунг», «Герой» и «Путь».

Анализ материала показывает, что идеальный германский воин — это не необузданный, дикий варвар, а смелый, отважный и мудрый воитель.

Героическая концептосфера рассматривалась нами в рамках англосаксонской картины мира, но, в концептосфере находят отражение и более архаические, мифологические, и новые для англосаксонского общества христианские представления.

Результаты данного исследования открывают перспективы для дальнейшей разработки когнитивных основ взаимодействия языка и культуры, а также дальнейшему и углубленному изучению этнокультурной специфики картины мира англосаксов. Результаты исследования также могут носить практическую значимость и, на наш взгляд, имеют шанс найти применение в образовательном процессе. Таблица, отображающая отобранные лексические единицы, которые вербализуют концепты, представлена в Таблице 2 в Приложении 1.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Учебники, монографии

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
2. Аскольдов (Алексеев) С. А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. / С. А. Аскольдов (Алексеев). – М. : Academia, 1997. – 7 с.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П.Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. Гос. ун-та, 2000. – 123 с.
5. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты / А. Вежбицкая. – Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997а. – с. 201 – 230 с.
6. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. – НДВШ. Филологические науки. 2001. №1. – 64 с.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт. – Пер.с нем. М. : Прогресс, 1984. – 398 с.
8. Гуревич А. Я. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. / А. Я. Гуревич. – М. – Спб. : Университетская книга, 1999б. – 560 с.
9. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. / Т. А. Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
10. Зинченко В. Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме / В. Г. Зинченко. – М. : Флинта, 2007. – 224 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2004. – 477 с.

12. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности / В.В. Колесов. – Мир русского слова. – 2000. – №2. – 52 – 59 с.
13. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности / В.В. Колесов. – Мир русского слова. – 2000. – №2. – 52– 59 с.
14. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения /Е. С. Кубрякова. – Российская академия наук, Институт языкознания. М. : 1997. – 326 с.
15. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М. : Изд-во Моск.госу. ун-та, 1996. – 245с.
16. Кубрякова Е. С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира / Е. С. Кубрякова. – Филология и культура. Тамбов : ТГУ, 2003. С. 32–34 с.
17. Лихачев Д. С. К вопросу о когнитивной лингвистике. / Д. С. Лихачев. – Известия ОРЯ, Серия литературы и языка, т. 52, №1, 1993.
18. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С.Лихачев. – Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – 280– 287 с.
19. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 184– 190 с.
20. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой / В. А. Маслова. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 31 с.
21. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский. – Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Радуга, 1988. – с. 281 – 309.
22. Попова З. Д. Из истории когнитивного анализа в лингвистике / З. Д. Попова. – Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во Воронеж, межрегион, ин-та обществ, наук, 2001. – с. 7 – 17.

23. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова. – Воронеж : 1999. – 286– 290 с.
24. Слышкин Г. Г. Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) / Г. Г. Слышкин. – Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. ВГПУ, ПМПУ. — Волгоград — Архангельск : Перемена, 1996. — с. 54 60.
25. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : 1997.
26. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В. Н. Телия. — М. : языки русской культуры, 1996. — 288 с.
27. Токарев Г. В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере «трудовая деятельность») / Г.В.Токарев. – Тула : 2000. – 92с.
28. Точилова Е. Н. Категоризация в рамках когнитивного подхода / Е. Н. Точилова. – Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация : Матер. Межд. научной конф. (Иркутск, 19– 21 апреля 2000 г.). — Иркутск : ИГЛУ, 2000. – с. 168– 169.
29. Уланова С. Б. Фрейм как структура репрезентации знаний / С. Б. Уланова. – Когнитивные аспекты языковой категоризации. — Рязань : РГТГУ, 2000. — с. 133– 141.
30. Фрумкина Р. М., Представление знаний как проблема / Р. М. Фрумкина. – Вопросы языкознания. — 1990. — № 6.-е. 85– 101.
31. Яскевич Т. В. Анализ фрейма "выбор" в современном английском языке / Т. В. Яскевич. – Когнитивный анализ слова. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. с. 70 – 86.

Словари

32. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов/ Е.С. Кубрякова. – М. : ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 48– 49 с.

Статьи в сборниках

33. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова. – Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сб. науч. трудов. Вып. 3. – 2004. – 3-10 с.

34. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик. – Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. трудов – Волгоград : 1996. – 8 с.

35. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик. – Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. трудов. Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : 2001. – 5 с.

36. Карасик В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики / В. И. Карасик. – сб. науч. трудов. – Волгоград : 1999. – 195 с.

Периодические издания

37. Волкова М. «ГУЛ» – реальный поэтический кластер / М. Волкова; беседу вела Е. Соловьева. – Культура Урала. 2014. – №7 (23). – 48– 49 с.

38. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. – Филологические науки. – Воронеж : 2001. – №1. – 64– 68 с.

39. Колесов В. В. Концепт культуры: образ– понятие– символ / В. В. Колесов. СПб. : Вестник СПбГУ. – Серия 2, 1992. – 30– 40 с.

40. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М. В. Пименова. – Вестник КемГУ, 2013. – № 2 (54) Т. 2. – 127 с.

41. Попова З. Д. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. Попова. – Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Истоки, 2001. –№8. – 34 с.

Литература на иностранном языке

42. Fauconnier G. Mappings in Thought and Language / Fauconnier Gilles – 1997 – Cambridge : Cambridge University Press. – 858 p.

43. Jackendoff R. Semantics and Cognition / Jackendoff Ray – 1983 – Cambridge, MA : MIT Press – 404 p.

44. Turner M. Reading Minds: The Study of English in the Age of Cognitive Science / Mark Turner. — 1991. – Princeton, NJ : Princeton University Press. – 393 p.

Электронные словари

45. Cambridge Dictionaries Online: [Web-site]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english>, дата обращения: 01.01.2022.

46. Collins Dictionary: [Web-site]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com>, дата обращения: 01.01.2022.

47. Free Online Dictionary of English Synonyms: [Web-site]. – URL: <http://www.synonymy.com>, дата обращения: 01.01.2022.

48. Dictionary of English Synonyms: [Web-site]. – URL: <http://www.synonym.com>, дата обращения: 01.01.2022.

49. Longman Dictionary of Contemporary English: [Web-site]. – URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary>, дата обращения: 01.01.2022.
50. Macmillan Dictionary: [Web-site]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com>, дата обращения: 01.01.2022.
51. Oxford English Dictionary Online: [Web-site]. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com>, дата обращения: 01.01.2022.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 2 – Лексические единицы, вербализующие концепты

Конунг (24)	Воин (22)	Враг (37)	Военное снаряжение (20)	Герой (30)	Путь (20)
æpelingas ellen fremedon nobles performed courageous deeds Béowulf wæs bréme Beowulf (Beaw) was famed weorðmynd um þáh throve in honours gód cyning good king wuldres wealdend Ruler of Glory, léof landfruma beloved ruler of the land béaga bryttan the giver of rings and treasure léof léodcyning beloved king of a people folcum gefraége famed among the folk maérne þéoden mighty clan- chief	magodriht micel big, mighty group of people Géata sceal eafod ond ellen Geats mighty and courage mægenhréð manna mighty victorious men wig ond wisdom war-skill and wisdom snotere ceorlas the clever chaps swiðferhþe strong- souled higepihtigne rinc strong- minded warrior heardhicgen de hildemecgas the bold- minded battle-men æpele ordfruma noble leader/chief æpele ond éacén	féond on helle a fiend in hell wiht unhaélo damned creature féond mancynnes. foe of mankind morðbeala murderous evil manscaða cruel killer slát unwearnum torn without hesitation wælraes murderous attack feorhgeniðla n mortal enemy cwealmcum an murderous visitor (atol) aégláeca evil creature réoc ond répe savage and cruel fáh féondscaða the hostile foe	billum ond byrnum bill-blades and byrnies heaðoréaf the gear of war ealde láfe old heirloom/ sword wuduwælsceaf tas wooden slaught er-shafts frætwa ornate armour beorhte frætwe bright arms and armour gúðsearo geatolic noble war-gear gryregeatwum terrifying armour fyrðsearu fúslicu eager war- devices sigewæpnum victory- weapons hringíren scír ring-iron glittering rondas regnhearde round hard shields hildebord battle-boards (a kenning for "shield")	mægenes strengest the strongest ānhýdig self-willed from resolute mōdig reckless unforht fearless baldlic bold cāf quick/sharp wigheardne brave in war dēor wild modwlonc fearless deorum dædum beastly deeds dryhten to þæs hold loved by beast dædcēne bold in deed dōme gewurþad fame- winning mærð glorious drēah æfter dōme deeds for fame tīr honour lastword	on weg fleon fled away on weg losade escaped on weg hruron rushed away on weg hwurfe passed away frod on forðweg he went from life wise of feorwegu m from far away geond widwegas from dwide regions cuþe stræte known road stig wisode gumum ætgæder e the path guided the men together foldwega s fægere

<p>witena aldorduguð wise warrior-leader sigedrihten the victorious Lord, king fréowine folca comrade of the folk sinces brytta the giver of treasures folces hyrde the guardian of the folk épelwearde guardian of a homeland léodum léofne beloved by the people sigeróf kyning the victorious king eodur Scyldinga the protector of Scyldings georne trúwode gladly trusted guðhreð gyfepe given victory in battle wíde maérost ofer werþeode the most widely famed among nations þín dóm lyfað áwa tó aldre your fame lives for ever and ever</p>	<p>noble and mighty cempan gecorone chosen champions sibbegedriht noble band of kinsmen eorla gedryht company of nobles swiðferhðum m bold, brave hildedéor brave in battle men módiglicran brave men swiðhicgende stout-hearted lagucræftig mon sea-skilled man leodgebyrga protector of the people wælréow wiga slaughter-fierce warrior eaxlgestealla shoulder-companion blaédágande fame-bearers</p>	<p>grim on grápe cruel in grip manfordædlan evil-doer hearmscapa harmful attacker bealohýdig evil-minded fyrena torment, sin helle hæfton hellish slave synsceaþa Sinful scather/nemy haépene sáwle heathen soul he, fág wið god he, who fought with God nihthealwa maést the greatest night-evil ellorgást alien spirit, ghost from elsewhere déogol daédhata secret/hidden "deed-hater" uncúðne nið unknown enmity atol ángengea horror evil who walks alone sceadugenga shadow-wanderer gífre ond galgmód</p>	<p>lícsyrce heard hondlocen body-shirt strong and hand-linked beorhte randas bright bossed-shields déoran sweorde dear sword fágum sweordum hostile sword hyrsted sweord adorned sword dryhtlic íren splendid iron maére máðpumsweorð the renowned treasure-sword</p>	<p>fame after death lof lifgendra betst glory after death dōmgeorn striving for fame sēft mæge mīn ālāetan līf die calmly deade lif dead life hyldo in his prodigious power, his Maker's favour heapodeor brave in battle wīgendra hléo the shield/protector of warriors ombeht unforht the unhesitating officer snotor hæleð wise hero wordes geweald words weight hé béot ne áléh béagas daélde he did not lie when he boasted maére þeoden</p>	<p>beautiful roads cystum cuðe familiar road foldwega s fægere þúnton the roads seemed pleasant yplade eaðe easy way gehealde siða gesunde hold you sound on your way sorhful sið sorrowful travel geocor sið terrible travel fealwe wegas dusky way swimmað eft on weg swims away sefan to siðe spirit on road sið dagum and nihtum day and night road cupe stræte known road</p>
---	--	---	--	--	---

<p>singyfan treasure-giver</p>		<p>greedy and gloomy- hearted grim ond graédig grim and greedy blód édrum dranc drank vein blood synsnaédum swealh swallowed large pieces fyrena hyrde. the shepherd of crime láðgetéonan hateful attackers tírléases gloryless forht on ferhðe fearing for life eoten giant, monster féasceaft guma miserable creature</p>		<p>mighty chieftain</p>	
---	--	--	--	-----------------------------	--

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

I. Предтекстовый этап

- years 700 and 800 A.D. – 700 и 800 года нашей эры;
- Anglo-Saxon or Old English language – древнеанглийский язык;
- ancestors – предки;
- tribes – племена
- Germany and Denmark – Германия и Дания;
- Beowulf – древнеанглийский герой, главный персонаж истории.

«We're going to read a tale about the hero named Beowulf and his fight with the monster called Grendel. This story comes from an Anglo-Saxon poem, which was probably written between the years 700 and 800 A.D. The Anglo-Saxon people began to settle in Britain around 450 A.D. They came from Europe, mainly from the countries we now call Germany and Denmark.

Beowulf is written in an Anglo-Saxon Language (it is also called Old English), but the story does not take place in England at all. It is about some of the ancestors of the Anglo-Saxons, tribes who lived in countries that are now called Denmark and Sweden. You can have a look at the map to see where these countries are located» (см. рисунок 2):

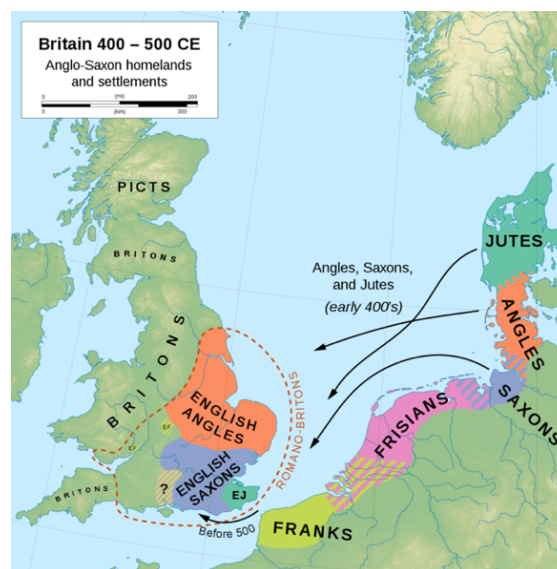

Рисунок 2 – Карта переселения племён на британские острова

II. ТЕКСТОВЫЙ ЭТАП

«Beowulf»

1. There lived a king named **Hrothgar**, the leader of the **Danes**. One day he ordered to build a great **mead-hall**. There he **held feasts** for his people.

2. The Danes lived well, but the ugly monster **Grendel** heard those sounds, and his heart was filled with **rage**. When night came, the beast **burst into** the hall and thirty men were killed. The people were afraid, Hrothgar's face was **sad with sorrow**.

3. Far away among the **Geats** a good man heard of Hrothgar's trouble. That man was Beowulf, the strongest soldier in the world. He did many brave and **daring deeds** in his life. Beowulf took fourteen of the **fiercest fighters** and said: «I will cross the sea to help lord Hrothgar».

4. When Beowulf and his warriors arrived, the king greeted them. Beowulf said to Hrotgar: «I will beat the monster ». Hrothgar was full of joy. The Geats and the Danes sat together and had a big feast. At the end of the day Hrothgar and his people left the hall, only the Geats stayed there.

5. Darkness came and the monster **crept** into the hall. Grendel put out his hand to **seize** the warrior, but Beowulf grasped the monster's hand in a strong **grip**. Grendel wanted to escape; however, he couldn't get away. They were wrestling fiercely. A huge wound opened in Grendel's shoulder. With a scream the monster ran away from the hall leaving his arm. He knew he would die; it was Beowulf's victory. Strong-hearted Geat was given **glory** in his **struggle**.

6. There was a great feast in the hall. Hrothgar stood up and thanked Beowulf by giving him a lot of treasures. Then the Geats and Danes settled down gladly to the feast. They **rejoiced** with their hero, Beowulf, and with Hrothgar, their lord. There never was a happier time or a finer friends' company in the world.

Commentary:

Hrothgar – the king of Danes;

Danes – people who lived in Denmark in years 700 – 800 A.D.;
a mead-hall – a large building where the king met his guests;
to hold feasts – to organize a party;
Grendel – an ugly and evil monster;
rage – a strong feeling of anger;
to burst into – to enter a place without invitation;
Geats – people who lived in Sweden in years 700 – 800 A.D.;
daring deeds – brave actions;
a fierce fighter – strong, brave soldiers;
to creep – to enter a place secretly;
to grip – the act of catching someone with hand;
glory – fame;
a struggle – a fight;
to rejoice – to be happy about smt.

Задание 1.

Match the headings from with the numbers of the paragraphs of the text.

Headings:

- a) Beowulf's Journey
- b) Hrothgar's Hall
- c) Meeting in The Hall
- d) The Fight with Grendel
- e) Happiness in the Hall
- f) Grendel Attacks the Danes

Задание 2.

Are these statements true (T), false (F) or the information wasn't stated in the text (NS)? Correct the false ones.

- 1. Beowulf was one of the Danes. (F)
- 2. Hrodgar's mead-hall was one of the greatest in the world. (NS)

3. Hrodgar ordered Beowulf to come and fight Grendel. (F)
4. Hrodgar was the king of the Danes. (T)
5. Grendel ripped Beowulf's hand off. (F)
6. Beowulf gave Grendel's hand to Hrodgar as a present. (NS)
7. Beowulf and his warriors rode horses to get to Hrodgar. (F)
8. Beowulf won the fight against Grendel. (T)
9. The Danes and the Geats became friends at the end of the story. (T)
10. Hrodgar gave Beowulf weapons as a present. (NS)

Задание 3.

Organize the events in the correct order.

1. Beowulf promised to defeat Grendel.
2. Hrothgar came up with the idea to build a great mead-hall.
3. The monster named Grendel heard the happy sounds of feasts and became angry.
4. Beowulf took fourteen of the best fighters and travelled to meet Hrodgar.
5. King Hrothgar greeted Beowulf warmly and asked him to get rid of the monster.
6. Beowulf caught Grendel, grasped his hand and ripped it off.
7. There was a great feast that night in hall, the Geats and the Danes sat together, celebrating Beowulf's victory.
8. Beowulf heard of Hrothgar's trouble and decided to help.

Задание 4.

Answer the questions.

1. Who was Hrothgar and what did he order to build?
2. Who was Grendel?
3. What did Grendel do to Hrothgar's people?
4. Who was Beowulf?

5. Where did Beowulf travel and why?
6. Did Beowulf come to Hrothgar alone?
7. What did Beowulf promise to the Danish King?
8. What happened when the night came?
9. What did Beowulf do to Grendel?
10. How did Hrothgar thank Beowulf?

III. Послетекстовый этап

Задание 1.

Work in pairs: organize the pictures in the correct order and retell the text to each other (рисунок 3).

Рисунок 3 – Иллюстрации к тексту

Задание 2.

Make up a dialogue in pairs. Discuss whether you liked the story or not. Mention what details impressed you and which ones you found uninteresting.

Задание 3

What do you think about the main hero? What is he like? Can you name some of his features which were mentioned in the text?

As I told you at the beginning of the lesson, this is not just a story. It was taken from a very old Anglo-Saxon poem written in the Old English language more than one thousand years ago. That language was very different from the one that we speak today.

I am going to give you some words which describe Beowulf in Old English. And then I want you to try to guess what they mean in modern English.

Now, can you guess the words, what do they mean?

beald (bold)

strang (strong)

gód (good)

maegen (mighty)

helpendbære (helpful)

The name of the main hero is translated into modern English as «I am a wolf»: «**(ic) béo wulf**». Can you now make up sentences: «I am bold / strong / good / mighty / helpful» in Old English?